ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Е. ГУТОР

ОБОРОНА КОРПУСА НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ

ВОЕНИЗДАТ · МОСКВА · 1939

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Е. ГУТОР

ОБОРОНА КОРПУСА НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ

Действия 7-го русского корпуса
с 3 по 6 сентября 1915 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1939

I. ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 8-й РУССКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1915 г.

Расположение 8-й русской армии и 1-й, 2-й, 4-й австро-венгерских армий. Планы командования

(Схема 1)

С конца августа 1915 г. армии русского Юго-западного фронта под давлением превосходных сил австро-венгерцев постепенно отходили к границе.

К 1 сентября правофланговая 8-я армия отступила на фронт Дережно, Крупец, Радзивилов, Подкамень, Подбересце, протяжением около 120 км.

При этом отходе фронт 8-й армии сохранил общее меридиональное направление фронта юго-западных армий только на южном участке: Радзивилов, Подбересце, на остальном же протяжении, составлявшем $^3/_4$ общей длины, линия фронта была резко изогнута в направлении на северо-восток. Такое начертание фронта армии создавало опасное, выдвинутое к западу положение 7-го арм. корпуса, подвергавшее его изолированному удару противника с фронта и с правого фланга, при прочном обеспечении только левого фланга 6-м арм. корпусом, занимавшим труднодоступную с фронта позицию за рекой Серет.

В случае сильного нажима противника на правый фланг 8-я армия долго не могла бы оставаться в таком невыгодном положении. Надо было или перейти в наступление правым флангом, с целью выдвижения его в общую линию фронта, или спрямить фронт отходом на следующий подготовленный рубеж на линии рек Горынь, Стубель, Иква. Ввиду двойного перевеса сил противника (двадцать две дивизии против одиннадцати), казалось, напрашивалось второе решение, но командовавший 8-й армией ген. Брусилов выбрал первое и назначил переход в контрнаступление

на 3 сентября. В нем должны были принять участие три правофланговых корпуса (39-й, 12-й и 8-й) и 3-я пех. дивизия 17-го арм. корпуса, а левофланговая (35-я) дивизия этого корпуса и 7-й арм. корпус — составить ось, около которой армия должна была выполнить захождение правым плечом. Однако 7-й арм. корпус, сохраняя своей основной задачей удержание занимаемой позиции, получил на 3 сентября задание — сковывать противника активными действиями. Эта задача была изложена в приказе по корпусу следующими словами: «Выдвинуть на участках каждой дивизии сильные передовые отряды для атаки противостоящего противника с целью развить затем успех в тех направлениях, на которых он определится. Атаку вести энергично». Эта энергичная формулировка задач дивизий вскоре вызвала в штабе корпуса опасения за возможные последствия наступления передовых отрядов, и вечером накануне наступления штаб корпуса разъяснил командирам дивизий, что наступление передовых частей 3 сентября надо согласовать с обстановкой, которая к этому времени сложится на участках дивизий. Подтверждалось, что основной задачей дивизий является удержать занимаемые позиции и не дать их прорвать.

Перед фронтом 8-й армии действовали группа армий эрцгерцога Иосифа Фердинанда (1-я и 4-я армии) и 2-я австро-венгерская армия Бэм Эрмоли, т. е. три армии, обладавшие большим превосходством в численности пехоты и количестве артиллерии (1 058 австрийских орудий против около 500 русских). Их общей целью был разгром 8-й русской армии и овладение Ровно, причем 1-я и 2-я армии действовали с фронта, а 4-я армия обходила правый фланг Брусилова. При этом 2-я армия своими главными силами обрушивалась почти целиком на фронт 7-го русского корпуса, задевая крайними дивизиями смежные фланги соседних корпусов. Уже 31 августа Бэм Эрмоли, согласно указаниям высшего командования, наметил план действий своей армии, а именно: прорыв русского фронта в направлении между реками Горынью и Иквой с целью в дальнейшем обойти с юга сильную оборонительную линию реки Иквы и Кременецких возвышенностей. 2 сентября корпуса 2-й армии должны были достигнуть линии Загуже, Подкамень, Суховоля, Нижняя Слоневка и местности южнее Хотина. 3 сентября, по сближении с новыми позициями, занятыми русскими, командующий армией уточнил свой план и назначил продолжение наступления на 4 сентября.

В результате отданных обеими сторонами распоряжений 3 сентября должны были произойти боевые столкновения на всем фронте 8-й русской армии: крупные в центре и на правом фланге и незначительные на участке 7-го арм. корпуса.

Расположение 7-го арм. корпуса

(Схема 2)

7-й арм. корпус занимал участок от Радзивилова до Подбересце, длиной до 35 км, обеими дивизиями: 13-й—от дороги Баранья — Радзивилов до линии высот 296 и 311 и 34-й — от этой линии до плотины у Подбересце вкл. В корпусном резерве числилось по два батальона от каждой дивизии: 1-й и 2-й батальоны 49-го пех. полка 13-й и 1-й и 2-й батальоны 136-го пех. полка 34-й. Эти батальоны находились в районах своих дивизий, близко к фронту и при длине корпусного участка около 35 км являлись корпусным резервом только по названию. Слабая корпусная артиллерия из двух шестиорудийных легких гаубичных батарей была распределена по дивизиям. Полк корпусной конницы в четырехсотенном составе находился в распоряжении командира 13-й пех. дивизии в Башаровке. Таким образом, в руках командира корпуса фактически не было никаких материальных средств, которые дали бы ему возможность влиять на течение боя на своем большом фронте. Штаб корпуса был расположен в Новом Почаеве, корпусные учреждения — в Вишневце, здесь же находился временный продовольственный склад; хлебопекарни — в Ямполе, станция снабжения — в Лепесовке (близ Ямполя).

Разграничительные линии: с 17-м арм. корпусом—Крупец, Копани, Бережцы, Шпиколосы; с 6-м арм. корпусом—река Горынь. Между 13-й и 34-й пех. дивизиями разграничительных линий назначено не было.

13-я дивизия заняла свой двадцатикилометровый участок тремя полками: 50-м пех. Белостокским, усиленным дивизионной учебной командой и двумя ротами 49-го пех. Брестского полка, от дороги Баранья — Радзивилов до Суходолы вкл.; 52-м пех. Виленским — от Суходолы (иск.) до поворота шоссе, что в 1 км к западу от высоты 258 у Малого Гая, и 51-м пех. Литовским — от этого поворота до высоты 358 вкл.

49-й пех. Брестский полк был разделен: два батальона составляли корпусный резерв на ст. Радзивилов и один ба-

тальон — дивизионный в Березине. Дивизионная артиллерия была централизована и расположена в двух группах: **правая**, в составе 1-го дивизиона 13-й арт. бригады и 4-орудийной легкой гаубичной батареи, в районе Радзивилов, Немировка с задачей содействовать обороне позиций 50-го и 52-го полков; **левая**, в составе 2-го дивизиона 13-й арт. бригады, в районе Проказы, Дранча Русская для содействия обороне позиций 51-го и 52-го полков. Сотня 3-го Уманского казачьего полка и саперная рота с двумя ротами 648-й дружины — при штабе дивизии в Подзамче. Головной парк в двух группах: в Дранче Русской и у пересечения проселка с железной дорогой южнее Вапнярки. Обозы 2-го эшелона 1-го разряда: 49-го и 50-го полков — в Перенятине, 51-го и 52-го — в Стояновке. Обозы 2-го разряда всех частей — в Гряде. Дивизионный обоз — в Бережцы (5 сентября переведен в Борки). Санитарные учреждения: перевязочный отряд — в Дранче Русской, лазареты № 1 и 2 — в Гряде, отряды Красного Креста: № 10 — в Башаровке и графини Шуваловой — в Крыжи. Телефонные станции открыты на ст. Радзивилов, в Бучине и Малом Гае.

При занятии 1 сентября позиции 13-й пех. дивизией обнаружилась большая неувязка с левым флангом 17-го арм. корпуса. Приказом по 7-му арм. корпусу дивизии было указано занять участок от Радзивилова вкл., тогда как в приказе по армии для 7-го корпуса был назначен участок Крупец иск. и далее на Радзивилов. К тому же оказалось, что участок заблаговременно укрепленного фронта, который предназначался 13-й пех. дивизии, шел от Опарипсы на север, на Сестратин и на юг на Суходолы. Северная окраина Радзивилова была вовсе не укреплена. Руководствуясь приказом по дивизии, 50-й пех. полк занял участок укрепленного фронта от церкви Опарипсы на Суходолы и далее на юг, а северную окраину Радзивилова, до дороги Баранья—Радзивилов, приданной полку дивизионной учебной командой. Участок от дороги Баранья—Радзивилов до Крупца остался незанятым. После сношения штабов 7-го и 17-го арм. корпусов между собою и со штабом армии 17-й арм. корпус занял рощу восточнее дороги Баранья — Радзивилов батальоном своего корпусного резерва, но считал это временной уступкой с своей стороны и при каждом удобном случае требовал, чтобы 7-й арм. корпус занял промежуток до Крупца иск. Опасаясь еще более растягивать свой и без того широкий фронт, командир 7-го арм. корпуса решительно в этом отказывал, а так как штаб армии предоставил решить это

дело по взаимному соглашению корпусов, то батальон 17-го арм. корпуса к 6 сентября продолжал занимать вышеупомянутую рощу.

Формально 17-й арм. корпус был прав, так как в приказе по армии было точно указано этому корпусу занять участок до Крупца вкл., а 7-му от Крупца иск. и далее на Радзивилов и т. д. Но, по существу, спорный участок должен был отойти к 17-му арм. корпусу, так как последний занимал северо-западный фронт, а 7-й арм. корпус — западный.

Здесь мы встречаем факт невнимательного отношения штаба 8-й армии к такому важному вопросу, как стыки между корпусами. При отходе в ночь с 31 августа на 1 сентября, когда надо было ломать фронт армии, штабу последней надо было точку перелома выбрать таким образом, чтобы 7-й арм. корпус имел фронт обращенным в одну сторону, а не на две. Ошибка произошла оттого, что при назначении стыка штаб армии не потрудился справиться с планом укрепленной позиции, а назначил участки корпусам по 10-вер. карте. Несомненно, что слабое занятие войсками промежутка между флангами 7-го и 17-го корпусов облегчило австрийцам сбить в этом месте русских 6 сентября. Этот случай указывает на необходимость для штабов армий внимательно относиться к вопросу о стыках между корпусами, не предоставлять решения этого деликатного вопроса обоюдному соглашению штабов корпусов, а брать ответственность на себя, не останавливаясь перед посылкой командиров генерального штаба для урегулирования этого вопроса на месте.

34-я пех. дивизия также заняла свой участок тремя полками: 135-м пех. Керчь-Еникольским (четыре батальона) с двумя легкими пушечными батареями от высоты 358 иск. до дороги Подкамень — Замок (западнее Подкамня) вкл,; 133-м пех. Симферопольским (четыре батальона) с двумя легкими пушечными и одной легкой гаубичной батареями от дороги Подкамень — Замок до оврага, что восточнее пруда у Стиберовки вкл.; 134-м пех. Феодосийским полком (три батальона), усиленным 2-м батальоном 136-го пех. Таганрогского полка, с двумя легкими пушечными батареями от указанного оврага до плотины у Подбересце вкл.

Остальные два батальона 136-го полка (всего три батальона) были расположены по-батальонно в Подкамне и Паликровы, штаб полка — в Немяче. Эти два батальона с 4 сентября числились в корпусном резерве. Розданная по полко-

вым участкам артиллерия объединилась в лице командира 34-й арт. бригады, о чем было отдано в приказе по дивизии.

Двойственность подчинения артиллерии, сама по себе неправильная, в дивизии вошла в привычку и не вызывала нареканий ни со стороны артиллерийских, ни со стороны общевойсковых начальников. Ввиду растянутости участков дивизий мы считаем раздачу артиллерии по полкам, как это было в 34-й пех. дивизии, более соответствующей обстановке, нежели централизованное управление, существовавшее в 13-й. По тому же соображению, распределение артиллерии на две группы при трех полках в сковывающей по современной терминологии группе, сделанное в 13-й пех. дивизии, менее удачно, чем группировка в 34-й пех. дивизии, так как при обслуживании одной группой двух полков затрудняется управление огнем группы. По личному опыту мы знаем, что в подобных случаях начальники артиллерийских групп предпочитали выделять для содействия соседу целиком одну батарею и тем упрощать положение.

Специальные части и тыловые учреждения были расположены: дивизионная саперная рота с двумя ротами 648-й дружины — в Звиняче, прожекторная рота — в Крутневе, головные парки 34-й арт. бригады — в Немяче; обозы 2-го эшелона 1-го разряда 135-го полка — в Поповце, 133-го — в Лопушно, 134-го — в Панасовке и 136-го — в Дудине; обозы 2-го разряда и дивизионный — в Вишневце. Санитарные учреждения: перевязочный отряд — в Лопушно, передовой отряд Красного Креста № 26 — в Подкамне. Штаб дивизии и казачья сотня — в Крутневе.

При занятии позиции 34-й пех. дивизией также обнаружилась неувязка с левым флангом 13-й, но этот вопрос вскоре был урегулирован штабом 7-го арм. корпуса, и 13-я пех. дивизия заняла участок до высоты 358 вкл.

Все полки 34-й пех. дивизии, из которых наибольший участок (6 км) занимал 135-й полк, а наименьший (4 км) — 134-й полк, имели по три батальона в боевых участках и по одному батальону в полковых резервах. Протяжение фронта для четырехполковой дивизии в 15 км по современным масштабам не является чрезмерным, но, имея в виду сравнительно ничтожное число пулеметов, состоявших в царской армии во время мировой войны, и слабость обеспечения пехоты артиллерией, участок для дивизии в 15—20 км и для корпуса в 30—35 км в то время

признавался растянутым. При активности же и не менее, чем двойном, превосходстве противника как командир корпуса, так и командиры дивизий считали в своих донесениях свои фронты «чрезмерно и рискованно растянутыми». Положение еще затруднялось тем обстоятельством, что за отсутствием армейских резервов корпуса должны были рассчитывать только на собственные средства.

Сосед справа — 17-й арм. корпус — занимал участок Коханка иск. — Крупец вкл. (схема 1) протяжением в 30 км. Левофланговая 35-я пех. дивизия занимала участок: отметка 243, высота 219 у д. Ситно, высота 228, Крупец вкл., длиной в 12 км, а считая 3 км до дороги из Баранья в Радзивилов,— 15 км. Левофланговый 138-й пех. Болховской полк — Михайловка иск. — Крупец вкл. Штаб корпуса — в Онышковцы, штаб 35-й дивизии — в Ситенские Гайки.

Сосед слева — 6-й арм. корпус — занимал фронт от плотины у Подбересце иск. до Ивачув Горный (схема 1) вкл. Правофланговая 16-я пех. дивизия занимала участок до Вертелки иск. с передовыми частями в предместных укреплениях у Заложце и Рениува на правом берегу реки Серет. Правофланговый 63-й пех. Углицкий полк занимал участок: плотина у Подбересце иск., лощина, что к северо-западу от дв. Турчинов вкл. В дивизионном резерве было по батальону от полков, занимавших позицию, всего три батальона,— в Колтунах; четвертый полк (64-й пех. Казанский) состоял в корпусном резерве в Гонтове. Штаб 6-го арм. корпуса — в Збараже (схема 1), 16-й пех. дивизии — Ново-Олексинце. Кроме 64-го полка, в резерве 6-го арм. корпуса находилась Заамурская конная бригада. Штаб 7-го арм. корпуса был связан со штабом 8-й армии по аппарату Юза, с штабами соседних корпусов — по Морзе и с штабами дивизий — по Морзе и по телефону. Штабы дивизий были связаны телефоном между собой и с соседними дивизиями смежных корпусов. Связь во время описываемых действий работала безотказно.

Состав 7-го арм. корпуса и характеристика его командира и штаба

К 2 сентября в корпусе состояло около 19 000 штыков, 80 пулеметов (32 австрийских), 12 легких пушечных и 2 легких гаубичных батареи, саперный батальон и шесть казачьих сотен (766 шашек). 13-я пех. дивизия была слабее

34-й по числу как штыков (8 339 против 10 727), так и пулеметов (37 против 43).

В продфуражном отношении корпус был обеспечен хорошо. В боевых припасах и винтовках ощущался резкий недостаток. Некомплект артиллерийских снарядов в частях корпуса (кроме парков) достигал 2 464 легких шрапнелей и 786 гранат при почти полном комплекте легких гаубичных снарядов. Пушечные парки были пусты в отношении как легких пушечных, так и ружейных патронов, — только в 34-й парковой бригаде имелось 444 легких гранаты.

Политико-моральное состояние войск корпуса было удовлетворительное, но лучше оно было в более сохранившейся 34-й пех. дивизии, судя по тому, что в этой дивизии не было случаев открытой сдачи в плен, чего нельзя сказать о 13-й.

7-й арм. корпусом командовал престарелый ген. Экк, занимавший эту должность еще до войны. Его командование гармонически сочеталось с работой его начальника штаба ген. Лазарева. Экк понимал, что в его годы ему трудно лично вести дело, поэтому предоставил это начальнику штаба, оставляя за собой утверждение решений последнего и содействуя ему в проведении их в жизнь своим авторитетом.

Такие взаимоотношения между командиром и начальником штаба не представляют новости в военной истории. Мы их видим в русской армии между Гурко и Нагловским, в прусской — между Блюхером и Гнейзенау [1].

Как подтверждают эти примеры, такое гармоничное сочетание волевых сил командира и умственных способностей начальника штаба приводит к прекрасным результатам, конечно в зависимости от силы характера командира и степени умственных дарований начальника штаба. В данном случае мы не можем сказать, чтобы Экк выделялся силой своего характера, но нельзя упрекнуть его и в слабости в этом отношении. Некоторый недостаток в силе характера он возмещал своим тактом, уменьем обращаться с подчиненными и предоставлять своим ближайшим помощникам — командирам дивизий — возможность проявления полной инициативы. В то же время Экк не останавливался перед необходимостью отчисления от должности командиров ди-

---

[1] Генерал Гурко—один из лучших корпусных командиров во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: Нагловский — талантливый офицер генерального штаба; Блюхер и Гнейзенау — победители Наполеона при Ватерлоо.

визий или других своих сотрудников высокого ранга, оказавшихся не на месте. Выдержанное, корректное обращение корпусного командира с подчиненными и безупречное поведение его под огнем вселяли к нему уважение в корпусе, составлявшее моральный фундамент его авторитета.

Начальник штаба ген. Лазарев обладал неплохими военными способностями и хорошей подготовкой для исполнения должности начальника штаба. Под его руководством штаб 7-го арм. корпуса отлично сработался и являлся образцовым штабным аппаратом.

Будучи по природе человеком болезненным, Лазарев применял исключительно систему кабинетного управления и никогда не появлялся на позициях и в войсках, хотя считал необходимым личное общение с начальниками дивизий, для чего последние перед каждым важным решением обычно приглашались в штаб корпуса для совещания. Эти совещания велись обыкновенно им же в присутствии командира корпуса.

Связь с штабами дивизий и войсками поддерживалась находившимися в штабе корпуса офицерами-делегатами, которые были обязаны осведомлять своих начальников о всех изменениях в обстановке, предупреждать о намечающихся распоряжениях и т. п. и в свою очередь сами служили приемщиками всех новых сведений из войск. Такой постоянный устный обмен сведениями между штабом корпуса и подчиненными штабами, сверх обычных письменных сношений, значительно ускорял, дополнял и вносил ясность во взаимоотношения между штабами и избавлял старших начальников от непрерывных телефонных разговоров, предоставляя им возможность с большей производительностью использовать свое время. Штабная работа в 7-м арм. корпусе была поставлена вполне удовлетворительно, в особенности в отношении ясности и своевременности всех отдаваемых распоряжений и посылаемых донесений.

Приняв во внимание, с одной стороны, все же недостаточную силу воли командира корпуса и, с другой — малоподвижность начальника штаба, нельзя было не ожидать, что характер управления корпусом будет в значительной степени зависеть от того или иного влияния и настроения подведомственных начальников и пессимизм последних будет невольно заражать корпусное командование. Это обстоятельство надо иметь в виду при оценке поведения командования корпуса во время боя 6 сентября.

Поле сражения 6 сентября и укрепленная позиция 7-го арм. корпуса

(Схемы 2 и 3)

Границами поля сражения 6 сентября в районе 7-го и левого фланга 17-го корпусов служили: на севере река Ситенка и на юге река Серет; на западе линия Броды, Батьков, на востоке Ситно, Подзамче, Крутнев, Загуже. Ширина поля сражения (с севера на юг) от Михайловки до Загуже около 35 км и глубина (с запада на восток) 10—12 км.

В этих пределах местность была покрыта восточными отрогами Карпат, которые у м. Подкамень образуют возвышенный узел, с которого берут начало реки Иква, Горынь, Серет и их многочисленные притоки. От подкаменского узла на юг отходят узкие хребты, составляющие водоразделы левых притоков реки Серет, а к северо-западу — более широкие отроги, образующие водоразделы между правыми притоками реки Стырь. Поверхность района пересечена реками, оврагами и покрыта лесами. Леса группируются преимущественно по правому берегу реки Иквы, а западнее д. Накваши — по обоим ее берегам, большой лесной массив заполняет пространство между Бродами и Радзивиловым (урочище Фольварский лес). Пространство севернее этого массива до Клекотова и между лесом и рекой Иквой открыто. Сравнительно открытый характер имеет местность к югу от Подкамня до реки Серет, однако и здесь поверхность усеяна лесными группами разной величины. На всем поле сражения, в направлении с запада на восток, отсутствуют какие-либо преграды. В этом же направлении имеется достаточно развитая сеть грунтовых дорог и одно шоссе Броды — Радзивилов. С севера на юг идет шоссе Броды — Подкамень — Заложце и также проложена достаточно густая сеть грунтовых дорог. В общем местность по всем направлениям доступна для движений и действий войск. Большое количество лесов облегчает постройку позиций, а обилие рек и ручьев — снабжение войск водою. Пересеченный и частично закрытый характер поверхности района поля сражения, с одной стороны, усиливает его обороноспособность, с другой — обилие укрытых подступов облегчает наступательные действия.

7-й арм. корпус занимал заблаговременно укрепленную, так называемую Радзивиловскую позицию, составлявшую

часть укрепленного фронта Берестечко, Радзивилов, Подкамень, Заложце, Тарнополь и далее по реке Серет до Днестра. Этот фронт укреплялся строительными организациями, состоявшими в распоряжении штаба Юго-западного фронта.

Участок 7-го арм. корпуса Радзивилов, Подбересце, на постройку которого было затрачено пятьдесят дней (с 25 июня по 15 августа), состоял из основной и тыловой позиций, отстоявших друг от друга на 1,5—3 км. Передний край основной позиции начинался у церкви, на северной окраине Опарипсы, и тянулся западнее этого селения на Суходолы и Гае Левятиньске, по высотам Макутре (354) и безыменной высоте западнее Бучины и далее вдоль восточной стороны большой дороги от Суховольской корчмы в Наквашу до реки Иквы. К югу от этой реки передний край огибал западную окраину Подкамня и шел вдоль западной стороны шоссе Подкамень — Заложце до плотины у Подбересце. Основная позиция была развита в глубину неодинаково на всем протяжении. Участок от Радзивилова до Подкамня имел глубину до 1½ км, к югу от Подкамня на участке 7-го арм. корпуса глубина была незначительна. Это обстоятельство объясняется тем, что первоначально строился, как продолжение основной позиции, участок Подкамень, Паликровы, Кутище, река Серет. Затем строителям было указано вынести основную позицию на этом участке западнее шоссе на восточный берег реки Самец, почему здесь и не успели достаточно развить позицию в глубину.

Особенно сильно были укреплены Радзивилов и Подкамень. Первый запирал пути из Львова в Ровно, второй, расположенный на значительных высотах, господствовавших над всем пространством к югу до реки Серет, прикрывал открытый промежуток между реками Иквой и Горынью, выводивший в тыл болотистой реки Иквы и Кременецких возвышенностей. В районе Радзивилова была сильно развита в глубину предмостная позиция на левом берегу реки Слоневки и в 2 км восточнее хорошо укреплен Крупец фронтом на запад. Подкамень был укреплен с трех сторон, а в непосредственной близости к его восточной окраине проходил передний край тыловой позиции, одновременно образовавший как бы вторую линию подкаменского узла. В самом местечке, расположенном на командующей высоте, католический монастырь с огромным кругозором был превращен в редюит.

Окопы были полной профили для стрельбы со ступеньки,

обнесены проволочными заграждениями и снабжены убежищами от 152-мм бомб. Недостатками в постройке укреплений были слишком тяжелые козырьки из крупных бревен, перекрывавшие частью сплошь, частью две трети окопа. Они резко выделялись на окружающей местности, так как строились до уборки полей. Эти недостатки в постройке и в маскировке козырьков были своевременно обнаружены, войскам даны указания для их переделки и маскировки, но, вследствие быстрого развития боевых действий, выполнить эти указания не удалось. Обстрел был везде хороший, хотя между Радзивиловом и Гае Левятиньске ограничен Фольварским лесом, а в районе Накваша, Подкамень стеснялся лесными группами. На участке к югу от Подкамня наблюдение и обстрел были превосходны.

Тыловая позиция имелась на всем фронте, но в различной степени готовности. От северной окраины Крупца до Немировки она составляла вторую линию радзивиловского узла и была построена основательно, с нужным развитием в глубину, имея в 2—3 км восточнее 3-ю линию из отдельных укреплений типа люнетов. К югу от Немировки до Дранчи Польской были построены только два полукольцевых окопа на большом расстоянии друг от друга и южнее Дранчи Польской — три группы окопов в расстоянии 1 км друг от друга. Далее тыловая позиция сливалась с основной, образуя в районе Накваши, по обоим берегам реки Иквы, густую сеть окопов. К югу от реки Иквы, от Тетыльковцы до Серетце, тыловая позиция включала сильно укрепленный Чарны Ляс, восточнее Подкамня, и тянулась по высотам восточнее Паликровы через Кутище до реки Серет. Участок севернее реки Иквы не везде был закончен и снабжен проволочными заграждениями; позиция к югу от реки Иквы являлась более законченной с хорошими обзором и обстрелом.

Обе позиции, основная и тыловая, строились по групповой системе, между группами на основной позиции были интервалы не более 800 шагов. Окопы были преимущественно взводные, не соединенные между собой по фронту ходами сообщений; последние были вырыты войсками после занятия позиции. В тыл имелось достаточное количество ходов сообщений. В общем, несмотря на групповой характер расположения окопов, позиция получилась сплошного типа, так как группы были мелкие, а промежутки небольшие, и при развитии в глубину она требовала для своего занятия больших сил.

II. ПОДХОД АВСТРО-ВЕНГЕРЦЕВ К ПОЗИЦИИ 7-го АРМ. КОРПУСА И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ с 3 по 5 СЕНТЯБРЯ 1915 г.

Подход австро-венгерцев

(Схема 4)

Преследующие 8-ю русскую армию корпуса 2-й австро-венгерской армии только к полудню 2 сентября подошли к Радзивиловской позиции и, неожиданно встретив сильное сопротивление русских на прудах близ Ратища, у Подкамня, в районе Карпиловки и по обоим берегам реки Пляшувки, решили, что русские, очевидно, заняли новую укрепленную позицию. Все корпуса 2-й армии немедленно развернулись и вышли: на фронт Ратище, Подкамень — четыре дивизии 5-го венгерского корпуса (14-я, 34-я, 33-я на фронте и 43-я в резерве), между Подкамнем и Суховолей — 29-я дивизия 19-го корпуса, севернее до Клекотова вкл. — 51-я и 27-я дивизии 4-го корпуса и между реками Слоневкой и Пляшувкой, против левофланговой (35-й) дивизии 17-го корпуса,— 32-я и 31-я дивизии 18-го корпуса — всего девять дивизий.

Перед участком 13-й пех. дивизии (Радзивилов, высота 358 вкл.) после полудня было обнаружено наступление противника из Бродов на Радзивилов и на Гае Дитковицке. В первом направлении развернулась 27-я дивизия на фронте Клекотов, железная дорога, во втором, против высоты 354, Гае Дитковицке — 51-я,— обе 4-го корпуса.

Против участка 34-й пех. дивизии до 10 час., по донесениям разведчиков, противник занял передовыми частями Литовиско, разведчики 134-го полка вели перестрелку с разъездами противника к западу от Вержбовчика. Около 11 час. было обнаружено появление противника против всего фронта этой дивизии. На участке севернее Подкамня было обнаружено наступление нескольких батальонов по долине реки Иквы, остановленное русской артиллерией у д. Лукаши. Здесь развертывалась 29-я пех. дивизия. К югу от Подкамня цепи противника появились на гребне между высотами 411 и 384 и у фольварка на дороге Подкамень — Пеняки, — это были части развертывавшейся 34-й австрийской дивизии. В 13 час. 30 мин. замечено около двух рот противника, окапывавшихся на опушке леса северо-восточнее Маркополя. К вечеру сильные партии про-

тивника потеснили разведчиков 134-го полка и заняли высоты к западу от Стиберовки; на высотах же к западу от Вержбовчика разведчики задержались и вели перестрелку с противником. По всему фронту этого полка шла ружейная и артиллерийская стрельба. Противник ввел в бой тяжелую артиллерию.

В итоге к вечеру 2 сентября войска 2-й австрийской армии только сблизились с русской позицией на фронте от реки Пляшувки до Ратища на 1—2 км, не успев сбить сторожевого охранения, и только в некоторых пунктах оттеснили русских разведчиков.

На следующий день австро-венгерцы должны были продолжать сближение с русской позицией, а войска 7-го русского корпуса произвести демонстративное наступление. Эти решения должны были привести к ряду встречных столкновений на всем фронте от Козина до Подбересце, но этого не случилось.

Наступление передовых отрядов на фронте 7-го арм. корпуса 3 сентября

(Схема 5)

Наступление передовых отрядов 7-го арм. корпуса первоначально было назначено в 6 час. 3 сентября, но накануне штаб 8-й армии получил сведения о готовящемся наступлении австрийцев, почему ген. Брусилов приказал начать движение в 4 часа утра.

Вероятно, 13-я пех. дивизия запоздала выслать передовые отряды, так как противник предупредил ее наступление, и в этой дивизии высылка их вовсе не состоялась. 4-й австрийский корпус энергично атаковал весь фронт 13-й пех. дивизии от Опарипсы до Бучина, направляя главные усилия вдоль железной дороги. Здесь около 11 час. 30 мин. австрийцам удалось захватить Суходолы, но сосредоточенным артиллерийским огнем они были выбиты из этой деревни, причем зарвавшиеся вперед выкинули белый флаг и сдались в плен в числе 1 офицера и 56 солдат 25-го полка. В дальнейшем в течение дня австрийцы трижды возобновляли наступление, но эти разрозненные попытки легко отбивались огнем русских. С 14 час. велся сильный артиллерийский огонь по всему фронту дивизии. Около 17 час. обнаружилось наступление противника силою около

полутора батальонов в стык 13-й и 35-й пех. дивизий, отбитое артиллерийским огнем; в особенности удачно действовала во фланг одна батарея 35-й арт. бригады. Однако наступление 18-го австрийского корпуса в этом направлении возобновилось и продолжалось уже в темноте. В районе Суходолы противник трижды возобновлял наступление, но безуспешно.

В 34-й дивизии наступление передовых отрядов началось точно в назначенный час и предупредило наступление противника (схема 5).

По 34-й пех. дивизии был отдан приказ, в котором полкам боевой линии было указано двинуть передовые отряды в наиболее уязвимых для противника направлениях, сначала в 6 час., а затем в 4 часа, и атаковать его передовые части, развивая наступление в тех направлениях, в каких скажется успех. Каких-либо конкретных указаний относительно величины отрядов, поддержки их артиллерией, согласования действий отрядов соседних полков и т. п. дано не было. Все это было всецело предоставлено усмотрению командиров полков. Такая директивная форма приказа, несомненно, должна была отрицательно сказаться на действиях частей. В каждом из полков задача сковывания противника посредством наступления передовых отрядов была решена посвоему.

Демонстративные действия 34-й дивизии 3 сентября являются типичными для действий войск, расположенных на растянутом фронте, которым всегда приходится выполнять ответственную роль по сковыванию и привлечению на себя возможно больше сил противника. Данный эпизод бросает свет на характер этих боевых действий.

Командир 135-го пех. Керчь-Еникольского полка выслал трехротный 4-й батальон, усиленный командой полковых разведчиков при одном пулемете, с задачей перейти в наступление на Гробельку, выбить противника из окопов и развивать успех в направлении Гробелька — восточная окраина Черницы. Батальону было указано держать связь с правофланговым участком 133-го пех. Симферопольского полка, одновременно переходившим в наступление. Направление атаки на Гробельку обусловливалось стремлением командира полка удовлетворить требованию приказа по дивизии, в котором указывалось: выслать отряды в наиболее «уязвимых» для противника направлениях. Командир полка считал Гробельку, в которой, по сведениям, к вечеру 1 сентября сосредоточилось около трех рот австрийцев, наиболее уязвимым пунктом в расположении противника

перед фронтом полка, так как к нему можно было скрытно подойти по лесу, северо-западнее Подкамня.

В 4 часа 4-й батальон выступил по дороге из Замка на Гробельку, выслав команду полковых разведчиков на Панковце. Последние выяснили, что безыменная высота, восточнее Панковце, занята противником, окопы которого расположены по восточному скату этой высоты, вдоль глубокого оврага, тянущегося на север от высоты 408. Перед окопами обнаружены проволочные заграждения. Позиция густо занята противником и кое-где замечено передвижение людей к югу.

Ориентировавшись в обстановке, командир 4-го батальона сделал вывод, что движение его батальона, голова которого к этому времени находилась на половине пути от Замка до Гробельки, явится фланговым по отношению к позиции противника у Панковце, вследствие чего правый фланг отряда 133-го полка, который должен был наступать в направлении на высоту 381, а при дальнейшем движении и тыл его батальона будут открыты для действий противника. По этим соображениям он свернул на Панковце, чтобы этим движением привлечь внимание противника на себя и облегчить выполнение задачи отрядом 133-го полка. Для прикрытия со стороны Гробельки была выслана полурота. К 7 час. батальон развернулся на опушке леса и под прикрытием огня 4-й батареи вышел на берег глубокого оврага против высоты восточнее Панковце. В дальнейшем действия на этом участке ограничились перестрелкой.

Одновременно с движением 4-го батальона 135-го полка во фланг противнику, занимающему Гробельку, от 3-го батальона того же полка была выслана полурота 11-й роты в направлении на высоту 361 и разведчики 1-й роты на Лукаши для сковывания противника с фронта. При подходе к западной окраине Лукаши полурота 11-й роты подверглась внезапному перекрестному огню, понесла большие потери и начала отходить назад. По силе огня можно было судить, что западная окраина Лукаши и часть деревни, расположенная севернее шоссе, заняты ротой противника. На поддержку отходившей полуроты были двинуты 1-я и 9-я роты под общим командованием капитана Лазарева. Роты были нацелены: 9-я — правым флангом на высоту 364 и 1-я — левым флангом вдоль северной окраины Лукаши. Высылка этих рот обусловливалась как желанием поддержать отходившую роту, так и отвлечением внимания противника к высоте 361. К 8 час. роты вышли на линию

высота 364 — восточная окраина Лукаши. Завязалась перестрелка. Противник пытался обойти левый фланг 1-й роты, но был рассеян артиллерийским огнем. Роты продолжали наступление, и цепь 1-й роты сблизилась на 200 шагов с оказавшимися за деревней окопами противника. Со стороны Суховоли и высоты 319 показались сильные цепи австрийцев, двигавшиеся в охват правого фланга 9-й роты. 3-я батарея открыла огонь по обходившим частям австрийцев, но движение их остановлено не было. Лазарев приказал правому флангу 9-й роты осаживать назад.

Около 9 час., вследствие отхода передового отряда 133-го полка, начал отход в свои окопы 4-й батальон 135-го полка, что побудило командира полка отвести в исходное положение 1-ю и 9-ю роты, под прикрытием артиллерийского огня правой группы. Отход обоих отрядов был выполнен беспрепятственно и с небольшими потерями. Действия обоих отрядов 135-го полка свелись к сближению и к перестрелке с противником. Силы австрийцев в д. Лукаши были оценены в три роты; и в охват 9-й роты наступал ясно видимый батальон. Таким образом, действия этих двух рот привлекли на себя около двух батальонов противника.

В описанном эпизоде мы встречаемся с неудачным проявлением частной инициативы командиром 4-го батальона, который по своему усмотрению изменил направление движения батальона, а с ним и ясно поставленную ему задачу, согласованную с приказом по дивизии. Встретив некоторую трудность на пути к своей цели, командир батальона, вместо того чтобы стремиться найти средства для ее преодоления, пошел по пути отказа от выполнения поставленной ему задачи, исходя из соображений второстепенного порядка. Между тем, если бы командир батальона глубже вник в обстановку и обладал более развитым чувством ответственности за выполнение своей задачи, то, вероятно, не затруднился бы найти другое решение вместо изменения направления своего движения. Имея в виду, что противник у Панковце был расположен за глубоким оврагом, в окопах с проволочными заграждениями, достаточно было бы оставить против него небольшой заслон силой примерно в полуроту и команду полковых разведчиков с задачей, рассыпавшись на широком фронте, сдерживать противника огнем. Такое прикрытие, вероятно, оказалось бы достаточным для обеспечения как правого фланга симферопольцев, так и тыла 4-го батальона. К тому же батальон с одним пулеметом с успехом, в случае надобности, мог бы отсту-

пить и по одной из дорог севернее. Невыполнение приказа командиром 4-го батальона в свое время не вызвало упрека со стороны командира полка, но история не может признать правильным нарушение приказа в сложившейся конкретной обстановке. В целом этот случай, как и многие другие подобного характера, указывает на недостаточность воспитания командного состава царской армии в духе неуклонного стремления к достижению поставленной цели, невзирая на встречаемые на пути препятствия и трудности.

В 133-м пех. Симферопольском полку приказ о выдвижении передовых отрядов был понят своеобразно. Командир полка считал, что на него возложена задача произвести усиленную рекогносцировку неприятельского расположения с выяснением группировки сил противника. С этой целью он наметил весьма сложный план: двум ротам правофлангового 1-го батальона было приказано наступать на запад до высоты 381, что к югу от Панковце, по достижении которой повернуть на юг на Малениску. С момента поворота рот 1-го батальона на юг от среднего и левофлангового батальонов выдвигались взводы от каждой роты боевых участков, поддержанные в каждом батальоне полуротой. Взводы должны были двигаться прямо перед собой.

В 4 часа 15 мин. 3-я и 4-я роты, под начальством командующего 1-м батальоном, двинулись в походной колонне от вилки шоссе южнее Подкамня по дороге через дом лесника к фольварку между высотами 381 и 408. У дома лесника роты рассыпались в цепь: 3-я рота — влево, 4-я — вправо, с интервалом в 100 шагов. 3-й роте было дано направление на фольварк, 4-й — на высоту 381. В предрассветном тумане роты подошли к окопам противника без выстрела. Высланные вперед разведчики даже вскочили в окоп противника. Австрийские часовые и караулы в первый момент бежали. Но сейчас же из-за фольварка вышли цепи противника, заняли свои окопы и открыли сильный ружейный огонь. 3-я рота, проходившая в то время по открытому пространству, сразу стала нести большие потери и залегла. Командующий батальоном из-за сильного обстрела отнес свой командный пункт назад, на половину расстояния до дома лесника. Командир 4-й роты донес, что противник, очевидно, занимает главную позицию, поэтому дальше двигаться нельзя. Роты залегли. Левый фланг отряда был обеспечен 40 разведчиками от 1-й и 2-й рот, справа связи с батальоном 135-го полка установить не удалось и сразу сказалась необеспеченность фланга. Австрийцы

подвели поддержки против правого фланга 4-й роты и подтащили туда же пулеметы. Фланговым огнем этих пулеметов движение симферопольцев было совершенно остановлено.

В дальнейшем противник предпринял охват левого фланга 3-й роты. Командующий 1-м батальоном, вследствие артиллерийского огня противника, перенес свой командный пункт еще назад, на линию дома лесника. Наступление рот поддерживалось огнем 1-й батареи, обстреливавшей окоп и ходы сообщения, по которым были замечены довольно частые перебежки противника. Около 7 час. 30 мин., несмотря на огонь артиллерии средней группы, густые цепи противника вышли из-за высоты 408, быстро перебежали открытое пространство и вклинились в промежуток между 3-й ротой и ротами 2-го батальона, также перешедшими в наступление. Угроза охвата левого фланга рот 1-го батальона вынудила его командира отдать приказание об отходе вправо, и роты постепенно, под прикрытием артиллерийского огня, отошли на правый фланг окопов 4-й роты.

Не дождавшись поворота рот 1-го батальона на юг и желая облегчить их положение, передовые части среднего батальона около 6 час. перешли в наступление на высоту 408, подошли к окопам противника на 300—600 шагов и около 8 час. 30 мин., вследствие угрозы охвата справа, начали отходить в свои окопы. Несколько позднее выступили части левого батальона; бой у них свелся к борьбе за опушку леса (на схеме 5 не показана), откуда противник был вытеснен, а затем за лесную группу, что к северо-западу от Стиберовки. После перестрелки, около 16 час., полтора взвода 16-й роты бросились в штыки, выбили противника из рощи и выставили полевые караулы на ее опушку, обращенную к противнику. Этим эпизодом закончились действия передовых отрядов 133-го полка, но после небольшой паузы на фронте этого полка завязался длительный и более серьезный бой, послуживший прелюдией к бою 6 сентября.

В действиях 133-го полка обращает внимание ошибочное понимание командиром полка поставленной ему задачи и сложный, невыполнимый план поворота отряда 1-го батальона на юг. Уже накануне было известно, что противник подошел к позиции и занял перед левым флангом и центром 133-го полка гребень высот 384 и 411. Естественно было ожидать, что к северу позиция противника протянется на высоту 408 и высоты восточнее Панковце.

Ясно, что высота 381, на которую были нацелены роты 1-го батальона, находилась в расположении противника. Возможно ли было в такой обстановке думать о повороте отряда на юг?

Со стороны командовавшего ротами 1-го батальона не видно никаких мероприятий по установлению связи с батальоном 135-го полка, хотя, вследствие поворота последнего на Панковце, левый фланг последнего находился всего в 1 000 шагов от роты 133-го полка. Организация боя передового отряда в целом не была продумана. Командир полка совершенно не позаботился о поддержке боя передового отряда огнем артиллерии. Командиру отряда после перемены часа выступления (с 6 на 4) не пришла в голову мысль использовать этот ранний час и утренний туман для внезапного захвата окопов противника; вместо этого сам отряд неожиданно для себя наткнулся на них и при рассеявшемся тумане вскоре попал в тяжелое положение. Преждевременно было в утреннем тумане развертывать роты в цепь у дома лесника, в километре от расположения противника. Под покровом тумана надо было, прикрывшись разведчиками и дозорами, в сомкнутых строях быстро сблизиться с намеченными целями, чтобы застать противника врасплох, а не самому попасть как бы в засаду. Совершенно недопустимым следует признать перенос командиром отряда своего командного пункта все дальше назад по мере развития боя, тогда как роты оставались на месте. Это отступательное маневрирование командным пунктом в особенности представляется странным, если принять во внимание, что оно происходило в лесистой и пересеченной глубокими оврагами местности.

Командир 134-го пех. Феодосийского полка назначил для наступления по две роты от каждого батальона боевой линии: двум левофланговым ротам было приказано быстро занять Оржеховчик, откуда, действуя во фланг противника, способствовать ротам, действующим правее, занять гребень высот 384—376. В случае успеха на левом фланге и занятия гребня было предположено бросить полковой резерв в поддержку левому флангу с тем, чтобы развить успех во фланг и тыл противника, внести в его ряды смятение и, воспользовавшись суматохой, захватить пленных и трофеи. Правофланговым ротам было приказано сговориться относительно взаимодействия с левофланговыми ротами 133-го полка, причем было указано содействовать атаке леска, что к северо-западу от Стиберовки, так как из него фланкировалось

движение на хребет 384—376 правых и центральных рот 134-го полка. Перед началом наступления к левому флангу полка был подведен полковой резерв. Было приказано вести непрерывную разведку на всем фронте полка с захватом пленных для выяснения сил противостоящего противника.

В 4 часа роты двинулись вперед для выполнения поставленных им задач. Левофланговые 10-я и 12-я роты быстро захватили Оржеховчик, выбив из него противника, и, пройдя деревню, оказались в положении, угрожающем правому флангу противника, содействуя таким образом ротам центра. Последние сбили противника огнем и вместе с правофланговыми ротами поднимались уже по скату гребня, занятого противником, но были вынуждены остановиться, обстреливаемые сильным фланговым огнем со стороны леска (северо-западнее Стиберовки), наносившим им большой урон. Командир 134-го полка запросил 133-й полк, и тогда только выяснилось, что 133-й полк ведет наступление начиная со своего правого фланга, а лесок будет атакован только тогда, когда правый фланг и центр продвинутся вперед. Таким образом обнаружилась несогласованность в действиях 133-го и 134-го полков, из которых первый наносил главный удар своим правым, а второй левым флангом. К этому времени удалось выяснить из опроса пленных присутствие перед фронтом 134-го полка трех полков противника (48-го, 71-го и 76-го). Роты 134-го полка несли большие потери от огня противника, занимавшего гребень и лесок, почему командир полка решил, под прикрытием артиллерийского огня, оттянуть роты назад. Превосходство противника в силах, а также обстановка, в которой оказались роты центра и правофлангового батальона, возможность контратаки со стороны австрийцев — все это не позволило развить удара с левого фланга и ввести в дело полковой резерв. В создавшейся на левом фланге полка обстановке противник начал постепенно обтекать 12-ю роту с левого фланга.

Около 9 час. было испрошено разрешение начальника дивизии отвести роты на линию Стиберовка, Вержбовчик, оставить на этой линии заставы и незаметно увести людей в основные окопы, выслав сильные партии, которые держали бы противника в ожидании возможности повторения наступления. Отход был совершен сравнительно легко на правом фланге и в центре и гораздо тяжелее в районе Оржеховчика, где 12-я рота была охвачена двумя ротами противника и принуждена была отойти на участок соседнего

корпуса, перейдя вброд реку Серет. Для отвлечения внимания противника от 12-й роты во время ее отхода полурота 10-й роты атаковала охватывающие роты противника во фланг, опрокинула их, захватила австрийский окоп, но противник, отбежав шагов на 200, остановился и открыл сильнейший огонь по 10-й роте, отход которой стал невозможен, и ротный командир приказал стрелкам отползать по-одному до лощины, а оттуда уже в свои окопы, почему отступление этой роты затянулось почти на весь день.

План 134-го полка по форме схож с планом 133-го, но по содержанию совершенно иной. Замысел захвата Оржеховчика для действия отсюда во фланг противнику, атакуемому севернее ротами центра, а также предположение о развитии успеха в этом направлении ударом полкового резерва вполне отвечали обстановке, так как при этих действиях как левофланговые роты, так и полковой резерв опирались на реку Серет, противоположный берег которой был занят подразделениями 63-го полка соседнего корпуса. Имея обеспеченными тыл и правый фланг и прикрывшись слева, со стороны Маркополя, охватывающие части 134-го полка могли безопасно выполнить свою задачу. План в его первой части был осуществлен быстро и решительно, и наступление, вероятно, увенчалось бы успехом, если бы действия 134-го полка были своевременно согласованы с наступлением 133-го полка и лесок северо-западнее Стиберовки был бы атакован 133-м полком одновременно с фронтальной атакой 134-го полка.

Предпринимая контрнаступление правым флангом армии, ген. Брусилов поставил пассивному левому флангу армии шаблонную задачу сковывания противостоящего противника, чтобы не позволить ему перебрасывать войска на активный участок.

Между тем командующий 2-й австро-венгерской армией, целиком противостоявшей 7-му и 17-му арм. корпусам 8-й русской армии и превосходившей последние вдвое по численности, не только не собирался перебрасывать свои части для усиления группы армий эрцгерцога Иосифа Фердинанда, теснивших правый фланг 8-й русской армии, а, наоборот, сосредоточивал свои главные силы против левого фланга 7-го арм. корпуса с целью решительного наступления в промежуток между Иквой и Горынью, комбинируя свой прорыв с охватом на севере. Поэтому сковывание на фронте 7-го и 17-го арм. корпусов оказалось бесцельным, а предпринятые с этой целью наступательные действия повели

лишь к обнаружению слабости русских сил, усилению уверенности противника в успехе и напрасным значительным потерям, а обнаружившаяся слабость русских к югу от Подкамня повлекла за собой последующие изнурительные для нас бои в районе Стиберовки.

Силы противника и его группировка были хорошо известны штабу 8-й армии, но глубокого изучения обстановки с целью определения намерений противника не производилось. В этом, конечно, в первую очередь вина разведывательного отделения штаба, которое собирало сведения, но не обрабатывало их, а затем и старших над ним начальников, не сделавших никаких выводов из полученных сведений. Но все же, имея на всем своем фронте активно действующего противника в превосходных силах, нельзя было ставить 7-му и 17-му арм. корпусам задачу сковывания противника «энергичной атакой», как добавил командир 7-го корпуса, а следовало ограничиться скромной задачей удержания своих позиций. Возможно упорнее отстаивать свои позиции и составить прочную ось для захождения правого фланга — вот единственная задача, которую следовало бы поставить 7-му и 17-му арм. корпусам, кроме правофланговой дивизии 17-го корпуса, участвовавшей в наступлении.

В организованных командирами полков наступлениях можно проследить различные формы сковывающих атак. 135-м полком была предпринята атака одного пункта, 133-м — наступление по всему фронту небольшими частями, и 134-м — комбинация широкого наступления с ударом в один пункт. Мы отдаем предпочтение овладению одним пунктом, как могущему дать известный положительный результат, тогда как наступление мелкими частями на широком фронте обычно останавливается, не достигнув позиции противника, и часто сопряжено с отходом в тяжелых условиях и со значительными потерями. Интересный замысел 134-го полка обусловливался своеобразными особенностями местности и расположением соседа и в сущности должен был привести к овладению первой линией окопов противника, если бы фланговый огонь из леска юго-западнее Стиберовки не сорвал наступления частей с фронта. Полк имел возможность достигнуть большого первоначального успеха, но при двойном превосходстве противника в силах бой мог бы принять для русских неудачный исход. 134-й полк задался слишком крупной целью и не обратил внимания на то, что в приказе по дивизии задача наступления была ограничена атакой передовых частей противника, а не его главной позиции.

В заключение мы должны отметить как положительный образец вдумчивое отношение командиров 134-го и 135-го полков к поставленной им задаче. Каждый из них обратил серьезное внимание на указание об атаке в наиболее уязвимом направлении, и оба сумели искусно использовать местность и другие данные обстановки с этой целью.

Полное игнорирование командиром 133-го полка этого указания и подмена задачи сковывания усиленной рекогносцировкой представляют отрицательный пример.

Настунательные попытки австро-венгерцев на участке 133-го и 134-го полков 3 и 4 сентября

(Схемы 6 и 7)

Противостоящий русскому 7-му арм. корпусу четырехдивизионный 5-й австро-венгерский корпус должен был сам наступать 3 сентября, но наступление это, как мы видели, было предупреждено активными действиями русской 34-й пех. дивизии. На фронте 13-й пех. дивизии, наоборот, части 4-го австро-венгерского корпуса предупредили переход в наступление русских передовых отрядов и сами наступали в течение всего дня совместно с соседним слева 18-м корпусом. На фронте Подкамень, река Серет после отхода передовых частей 34-й пех. дивизии, к 16 час., бой затих, но это затишье продолжалось недолго. В 18 час. австрийцы открыли ураганный огонь из орудий тяжелой и легкой артиллерии по окопам левого фланга 133-го и правого 134-го полков, сосредоточив его по участкам 6-й роты и 1-го батальона 134-го полка, между вин. заводом и крестом, и 16-й роты 133-го полка в 1 км севернее Стиберовки.

Большинство окопов 16-й роты 133-го полка и 6-й 134-го в несколько минут было разбито и засыпано. В 16-й роте значительное число людей оказались засыпанными землей, многие оглушены и контужены, один сошел с ума. В Вержбовчике возникли пожары. Под прикрытием этого огня между 19 и 20 час. противник повел энергичное наступление на участок Стиберовка, Вержбовчик (1-го и 2-го батальонов 134-го полка) и довольно вялое севернее Стиберовки, на участок 16-й роты 133-го полка. Наступавшие на участок этой роты довольно жидкие цепи противника были задержаны огнем уцелевших русских стрелков при содействии флангового огня пулемета 134-го полка. Позднее лишь небольшие подразделения австрийцев просочились в Стибе-

ровку и выставили на восточной окраине этой деревни полевые караулы. В начале артиллерийского обстрела из полкового резерва 133-го полка (из Подкамня) была вызвана 12-я рота, которая к 20 час. подошла к участку 16-й роты, заняла наиболее важные и уцелевшие окопы и приступила к откапыванию засыпанных стрелков 16-й роты и к исправлению окопов. Между 20 и 23 час. на фронте 133-го полка вновь наступило затишье, и ничто не указывало на подготовку противником новой яростной атаки.

Наступление австрийцев на левый полк 34-й пех. дивизии на участке между Стиберовкой и Вержбовчиком (на 1-й и 2-й батальоны 134-го полка) было встречено огнем стрелков, пулеметов и артиллерии левой группы, нанесшим противнику значительный урон, несмотря на то, что участие в обстреле могла принять только 5-я батарея, так как для 6-й цели были закрыты дымом от пожара в Вержбовчике. Противник был остановлен в расстоянии 400 шагов от окопов и начал окапываться по всему фронту перед 1-м и 2-м батальонами 134-го полка. Заставы этого полка отошли к своим частям.

В 20 час. австрийцы, накопившись в крупных силах, возобновили настойчивые атаки на участок 1-го батальона (Стиберовка, лощина у креста) и по лощине восточнее вин. завода в стыке между 6-й и 7-й ротами. Для противодействия атаке к тому времени командир 134-го полка распределил свой полковой резерв (2-й батальон 136-го полка) следующим образом: по одной роте было передано в распоряжение командиров 1-го и 2-го батальонов, а две роты, под командой батальонного командира, поставлены за серединой лощины между 6-й и 7-й ротами.

Под прикрытием ураганного огня противнику удалось приблизиться на 300 шагов, но встреченный метким ружейно-пулеметным огнем, при энергичном содействии артиллерии, был отброшен и, отхлынув, остановился лишь в 700 шагах. После небольшой паузы австрийцы снова перешли в наступление, продолжавшееся мелкими частями до темноты. Австрийцами, как было упомянуто, была занята Стиберовка, а против 1-го и 2-го батальонов 134-го полка они перешли через реку Самец, приблизившись к участку 1-й роты (восточнее Стиберовки) на 100—150 шагов; южнее, на участке 2-й роты, противник находился еще в шагах 800 от окопов и продолжал наступление в темноте.

Около 22 час., ввиду обозначившегося сильного напора противника на участке Стиберовка, Вержбовчик, по распоряжению командира дивизии, батальон корпусного резерва,

находившийся в Паликровы, был выдвинут в лощину восточнее высоты 386 и вошел в связь с командирами 1-го и 2-го батальонов 134-го полка.

В течение ночи противник продолжал вести настойчивые атаки, подходя к проволочным заграждениям, которые пытался резать, но каждый раз с большим уроном отбрасывался ручными гранатами и ружейно-пулеметным огнем.

Не так удачно велась оборона на участке 133-го полка. В этом полку, как выше описано, вечером пострадала от артиллерийского огня противника и подверглась пехотной атаке левофланговая 16-я рота, занимавшая позицию протяжением около 1 км севернее Стиберовки. Естественно, что к этому участку было привлечено внимание командира полка, который, кроме смены 16-й роты 12-й, направил в резерв этого участка еще одну (11-ю) роту 3-го батальона из Подкамня. 9-я рота этого батальона, составлявшего полковой резерв, находилась в Паликровы при штабе полка, а 10-я — в распоряжении командующего 1-м батальоном. Между тем австрийцы, безуспешно ведшие фронтальные атаки в течение дня против участка 134-го полка, предприняли ночной прорыв к югу от Подкамня, двинув на участок восточнее отметки 376 около четырех батальонов. Ночная темнота и местность благоприятствовали успеху этого наступления.

Окопы 8-й роты 133-го пех. полка были расположены по южному скату высоты 408, имея перед фронтом открытую лощину, огибавшую высоту 408 с юга и тянувшуюся на восток к отметке 345. Эта лощина составляла стык 8-й роты с 13-й ротой того же полка. Окопы 8-й роты состояли из трех групп, соединенных между собой ходами сообщения. Две северные группы были построены в одну линию, а окоп у мостика на шоссе расположен уступом назад для обстрела лощины, находившейся перед фронтом ротного участка. Проволочные заграждения были расположены на расстоянии 60 шагов от окопов. Окопы имели хороший дальний обстрел, но впереди лежащая лощина обстреливалась только из окопа у мостика. Поэтому, если обстрел из этого окопа запоздает или почему-либо сорвется, то противник, поднявшись из лощины вверх, уже не будет поражаться из этого окопа и спокойно выйдет на ход сообщения между окопом у мостика и окопами, расположенными по фронту роты. Днем прорвать фронт на участке 8-й роты было трудно, но ночью, в особенности когда боевое охранение приближалось к расположению роты, как это имело место в данном случае, всегда возможно. Этим

слабым местом на участке 8-й роты и воспользовался противник (схема 7).

Австрийцы (101-й пех. полк и 28-й егерский батальон) в темноте наступали колоннами по лощине. Это наступление было своевременно и на достаточно большом расстоянии от окопов 8-й роты обнаружено высланной от роты заставой силой во взвод, которая отступила в окопы своей роты. Командир взвода доложил командиру роты о наступлении противника по лощине колоннами. Командир роты усилил взвод двумя отделениями и послал его обратно занять свое прежнее место. Взвод на свою прежнюю позицию не попал, а, обстреляв противника почти в упор, стал отходить; вслед за ним по пятам двигался и противник. Командир роты, по обнаружении наступления австрийцев, послал связных в окоп у мостика с приказанием открыть огонь из этого окопа и обстрелять лощину. Пулемет дал задержку и отказал в работе. У стрелков имелось самое ограниченное количество патронов, и они, выпустив имевшиеся, прекратили стрельбу. В это время противник поднялся из лощины, вышел на ход сообщения левофлангового окопа и повел наступление во фланг окопов 2-го батальона. Как только противник вступил в ход сообщения, был подан сигнал, повторенный в тылу, по которому стали тем же путем подходить остальные неприятельские колонны. 8-я рота была частью окружена, частью уничтожена или разогнана.

Продвинувшись на восток и повернув затем на север, противник вышел в тыл 7-й роте. Но первое впечатление прошло, и командир 7-й роты уже начал медленно отходить на северо-восток, выслав один взвод влево от себя с целью приостановить распространение противника на восток и север, но не смог сдержать напора австрийцев. В этот момент командир 2-го батальона произвел контратаку своим резервом (5-й ротой) и приостановил дальнейшее движение противника. Несколько позже проходил по шоссе командующий 3-м батальоном с 11-й ротой, направленной, как мы видели, командиром полка за левый фланг 4-го батальона. Присоединив к себе 10-ю роту, высланную командующим 1-м батальоном, командир 3-го батальона перешел в контратаку и выбил австрийцев из окопов 7-й роты и одного окопа 8-й. Дальнейшее продвижение рот 3-го батальона приостановилось между 1 и 2 час. 4 сентября.

Около 1 часа командир 133-го полка донес командиру дивизии о прорыве на участке 8-й роты и о том, что командир батальона производит контратаку своим резервом.

Схема 6. Атака австрийцами 133-го и 134-го полков после 18 час. 3 сентября.

Начальник дивизии приказал для устранения прорыва послать батальон 136-го полка из Подкамня, а полковой резерв 135-го полка перевести в Подкамень. Около 2 час. три роты 3-го батальона (10-я, 11-я и 12-я) 136-го полка прибыли на средний участок 2-го батальона 133-го полка. Командир батальона сначала выслал одну 10-ю роту с задачей выбить противника из окопов 8-й роты, но это ей не удалось. Тогда командир батальона решил подождать подхода 9-й роты и атаковать всем батальоном. Было около 5 час. 30 мин. К этому времени к месту прорыва из Паликровы прибыла полурота 9-й роты 133-го полка под командой ротного командира, другая полурота которой уже раньше, в 24 часа, была выслана на участок 8-й роты и заняла один из окопов этой роты, ближайшей к правому флангу 4-го батальона.

К 6 час. в месте прорыва сложилась следующая обстановка (схема 7): прорвавшийся противник окопался восточнее окопов 8-й роты фронтом на северо- и юго-восток, опираясь на занятые окопы 8-й роты. Роты 136-го полка, наступавшие от Подкамня по шоссе, занимали исходное положение для контратаки против северо-восточного фаса, а против юго-восточного занимала один из окопов 8-й роты полурота 9-й роты 133-го полка, ранее высланная. Когда полурота 133-го полка капитана Островского, двигавшаяся к месту прорыва с востока, стала подниматься из лощины на бугор, то разведка донесла, что на бугре влево окопался противник. Выйдя на линию разведки, капитан Островский увидел окоп противника, один фас которого был обращен против отходивших рот 136-го полка, и с этого фаса стреляли по ним пулеметы, другой фас был обращен против другой полуроты 9-й роты. Капитан Островский вызвал свой пулемет и приказал открыть огонь против исходящего угла окопа противника с расстояния в 1 200 шагов. В австрийских окопах началась паника. Стоявшие люди залегли, пулеметы начали уносить. Отступавшие стрелки 136-го полка повернули назад и возобновили наступление. Наступая скачками, под прикрытием пулеметного огня, полурота капитана Островского подошла к окопу противника на 400 шагов и, после нескольких секунд пулеметного огня, бросилась на «ура» одновременно с тремя ротами 3-го батальона 136-го полка. Мгновенно окопы были захвачены, мадьяры частью сдались в плен, частью бежали, преследуемые разрозненными подразделениями атаковавших рот. Общего преследования организовано не было, содействия справа и слева в

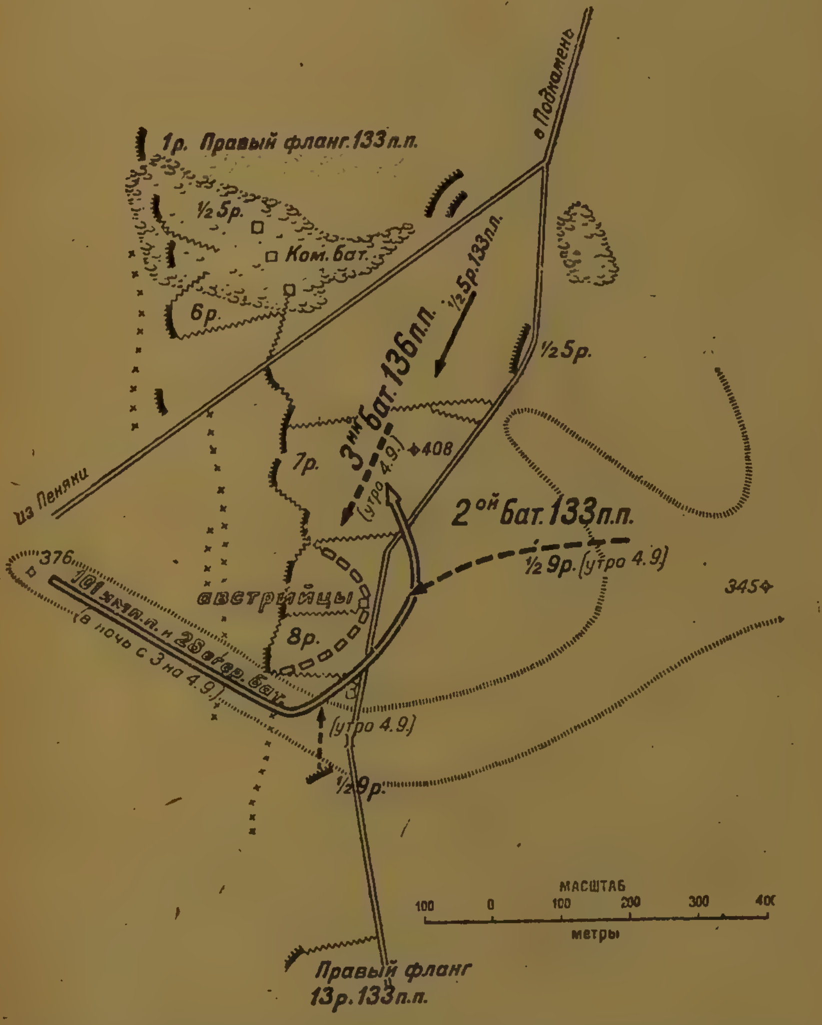

Схема 7. Прорыв на участке 2-го батальона 133-го полка в ночь с 3 на 4 сентября и ликвидация этого прорыва утром 4-го.

той мере, в какой оно могло быть оказано, не было, и преследование вскоре прекратилось. Командиры рот 136-го полка увлеклись сбором пленных, захваченных в числе 18 офицеров и 366 солдат почти всех рот 101-го австрийского полка и 28-го егерского батальона. Этим эпизодом в 6 час. 4 сентября закончился длительный бой 3—4 сентября на участке 133-го полка, продолжавшийся с небольшими перерывами 26 час. и дорого обошедшийся полку.

На фронте 134-го полка к рассвету 4 сентября сложилось следующее положение (схема 6): противник находился перед 6-й ротой (между вин. заводом и крестом) в 200 шагах, перед 7-й (к югу от вин. завода) — в 300 и против 8-й — в 1 000 — 1 200 шагах. Чтобы отбросить части противника, выдвинувшиеся вперед, по почину частных начальников два отделения 7-й роты были направлены для захвата неприятельского окопа против этой роты. Для этой цели они разделились и незаметно поползли в охват обоих флангов окопа противника. Появившись на флангах, они забросали австрийский окоп ручными гранатами, а затем открыли огонь. 32 человека противника сдались, видя, что путь отступления отрезан, остальные же в числе 24 человек были переколоты и переранены. Разведчиками были принесены 50 винтовок. С рассветом же разведчиками 10-й роты было вынесено тело прапорщика Хандру, геройски павшего в бою 3 сентября во время преследования противника во главе полуроты 10-й роты. Тогда же были подобраны двое тяжело раненых солдат, а также и все винтовки, оставленные на поле боя.

Мы намеренно включили в наш текст этот незначительный эпизод из деятельности разведчиков 10-й роты, с тем чтобы обратить внимание читателя на то огромное напряжение, которое может проявлять на войне человек, и на важность научиться вызывать это напряжение и целесообразно им пользоваться. Разведчики 10-й роты находились в бою непрерывно в течение суток и, несмотря на неизбежную в этих условиях физическую и моральную усталость, сумели найти в себе силы, чтобы ночью обшарить поле боя и к рассвету вынести тело своего командира. Такое напряжение может проявляться не только в таких малых группах, как партия разведчиков, но и в гораздо бо́льших массах, которые в этом состоянии становятся способными на величайшие подвиги. Необходимо обладать огромным авторитетом среди масс и ее безусловным доверием, чтобы суметь вызвать подъем, сокрушающий все преграды на пути к цели.

Под впечатлением огня и под напором разведчиков противник к 6 час. отошел по всему фронту в исходное положение в 700—1 000 шагов, местами еще больше от окопов 134-го полка, который вновь занял Вержбовчик и выставил в нем свои заставы.

После устранения прорыва на участке 133-го полка дивизионные резервы были оттянуты на свои места, за исключением двух рот 3-го батальона 136-го полка, которые были оставлены у вилки шоссе, к югу от Подкамня, для более быстрой подачи первой помощи 133-му полку.

За 3 и 4 сентября части 34-й пех. дивизии потеряли:

Наименование частей	Офицеров				Солдат			
	убито	ранено	контужено	без вести пропавших	убито	ранено	контужено	без вести пропавших
133-й полк . .	—	8	2	4	197	436	—	173
134-й » . .	1	2	—	—	51	119	16	18
135-й » . .	—	1	—	—	9	33	—	5
136-й » . .	1	1	1	—	30	81	—	27
34-я арт. бригада . . .	—	—	—	—	1	2	2	—
Итого . .	2	12	3	4	288	671	18	223

Результаты боев 3 и 4 сентября

(Схемы 8 и 9)

В результате боев 3 и 4 сентября на фронте 7-го арм. корпуса были точно выяснены расположение и группировка противника перед фронтом корпуса.

Окопы противника тянулись от Бугаевки на Клекотов, откуда поворачивали на юг к Клекотувке и далее шли по северо-восточной опушке урочища Фольварский лес до Гае Дитковицке, на Суховолю, высоты 319 и 361, Гробельку, по восточному краю безыменной высоты, что восточнее Панковце, на высоту 408, по восточному скату высоты 411 и далее до Стиберовки; от последней по гребню высот 384 и 376. На участке Стиберовка, Вержбовчик противник занимал передовую позицию, состоявшую частью

из одиночных, частью взводных и отдельных окопов. Эта позиция тянулась от Стиберовки до креста (перед левым флангом 1-го батальона 134-го полка), в 200—400 шагах к западу от реки Самец; перед участком крест, северная окраина Вержбовчика (2-го батальона 134-го полка) — сначала по долине реки Самец, западнее русла, но вскоре переходила на восточный берег реки (здесь около полутора рот противника), дальше к югу перед левым флангом участка она удалялась к западу и соединялась с главной позицией. Деревни Стиберовка и Оржеховчик были заняты австрийцами, Вержбовчик — 134-м полком.

Австро-венгерцам удалось в результате боевых действий в течение 3 и 4 сентября охватить правый фланг корпуса в районе Радзивилова и сблизиться с окопами левого фланга на участке Подкамень, река Серет до дистанции штурма. Однако удачной контратакой утром 4 сентября противник был выбит из окопов 8-й роты 133-го полка и отброшен в свои основные окопы, чем было несколько ослаблено напряжение непосредственно к югу от Подкамня.

По разведке штаба 7-го корпуса к 9 час. 30 мин. 4 сентября на вышеуказанном фронте силы австро-венгерцев группировались так: Бугаевка, Опарипсы — 41-й пех. полк, повидимому 32-й дивизии [1]; Радзивилов, Гае Дитковицке — 27-я дивизия; Гае Дитковицке, Бучина — 51-й гонведная маршевая дивизия; Бучина, Накваша — 29-я дивизия; Накваша, Подкамень — 33-я дивизия; Подкамень, Вержбовчик иск. — 34-я дивизия; на фронте к югу от Вержбовчика—бригада 14-й дивизии. Итого на фронте корпуса пять с половиной дивизий. Число и группировка дивизий противника были выяснены очень точно, неизвестно было только, где находилась 43-я дивизия, входившая также в состав 5-го австро-венгерского корпуса, потому что в то время она находилась в резерве. Из числа этих пяти с половиной дивизий две находились перед участком 13-й пех. дивизии и три с половиной перед участком 34-й дивизии 7-го корпуса.

При возобновлении активных действий противника следовало ожидать охватывающей атаки правого фланга этого корпуса, соединенного с прорывом на участке Подкамень, река Серет. На участке между Радзивиловом иск., Подкамень иск.. более вероятны были сковывающие действия.

---

[1] 41-й полк был не 32-й, а 43-й дивизии, но придан 32-й дивизии, которая действительно находилась на этом участке

Этот вывод, сделанный на основе анализа боев 3 и 4 сентября и группировки сил противника, вполне согласуется и с оперативными условиями, в которых находился 7-й арм. корпус, т. е. с его выдвинутым и подверженным удару с севера положением, а также и с его оперативным значением, так как корпус прикрывал своим левым участком важное направление между реками Горынью и Иквой, выводившее в открытые ворота оборонительной линии река Иква — река Серет. Но такие выводы штабом 7-го арм. корпуса сделаны не были, и бой 6 сентября явился неожиданностью.

Разбор боевых действий на участке 34-й пех. дивизии с 18 час. 3 сентября до 6 час. 4 сентября

(Схема 9)

В боевых действиях этого периода мы наблюдали две характерные формы наступательного боя: фронтальный[1] удар на участке 134-го пех. Феодосийского полка и прорыв в 133-м пех. Симферопольском полку. Многочисленные фронтальные атаки превосходными силами частей 34-й и 14-й австро-венгерских дивизий растянутой позиции 134-го полка, поддержанного всего двумя легкими батареями, были успешно отбиты, а фронт 133-го полка легко прорван. Причины успешной обороны 134-го полка коренятся, во-первых, в трудности фронтальной атаки укрепленной позиции при современных средствах обороны, в особенности при слабом обеспечении атакующего артиллерией, как было в данном случае (четыре легких и одна тяжелая батареи), и в правильном руководстве обороной со стороны командного состава всего полка. Надо иметь в виду исключительный в конце 1915 г. офицерский состав этого полка по числу сохранившихся кадровых офицеров. Всеми батальонами в этом полку командовали опытные штаб-офицеры, а ротами — кадровые офицеры. В рядовой состав в июне было влито около 700 человек превосходного пополнения из числа молодых солдат очередного призыва, прибывших со своими прапорщиками и с винтовками. Твердое управление надежным составом обеспечило встречу атакующего своевременно открываемым ружейно-пулеметным огнем, что

[1] Под которым мы понимаем атаку равномерными силами по всему атакуемому фронту.

делало неодолимыми сильные проволочные заграждения, имевшиеся на всем фронте полка. Надо упомянуть и отличный обстрел из искусно примененных к местности окопов.

Обращаясь к способу обороны, мы видим тенденцию, господствующую в царской армии, признававшей только одну упорную оборону: удержать позицию во что бы то ни стало, не допустить прорыва ее противником. Этой идеей объясняется употребление командиром полка своего полкового резерва не в роли ударной группы, а в качестве средства для быстрейшей поддержки слабеющих точек оборонительной линии [1].

Командир 134-го полка выделил из своего резерва по роте в распоряжение командиров атакованных 1-го и 2-го батальонов, а две роты поставил за наиболее угрожаемым местом в стыке 6-й и 7-й рот. Роль ударной группы играл батальон дивизионного резерва, выдвинутый в лощину за высотой 386.

Поддерживавшие 134-й полк всего две легкие батареи при содействии батареи (2-й) из средней группы успешно справились как со своей задачей по прикрытию отхода передовых частей полка 3 сентября, так и с задачей задержки наступления противника, неоднократно заставляя залегать его цепи. Интересно, что главным образом действовала 5-я батарея, выпустившая 923 снаряда, тогда как 6-я — всего 222. Прекрасные результаты работы батарей на широком фронте следует приписать превосходному наблюдению и обстрелу, а также отчасти и удачно примененному способу стрельбы по квадратам. Впереди лежащая местность была разделена на квадраты и нанесена на схемы в верстовом масштабе, которые были розданы всем батальонным командирам. Способ этот особенно пригоден в условиях растянутого фронта, вызывающих многочисленные переносы с одних целей на другие, при отсутствии общего наблюдательного пункта.

Обращаясь к прорыву фронта 133-го пех. Симферопольского полка, мы должны отметить, что ночной прорыв был произведен настолько внезапно и такими подавляющими си-

---

[1] Такой метод использования резервов по частям, как показал опыт мировой войны, не мог привести к положительным результатам, особенно при обороне на широком фронте, когда противнику нетрудно ворваться в промежутки между опорными пунктами. Обороняющемуся следует стремиться использовать резерв целиком для нанесения контрудара ворвавшемуся противнику с целью не только восстановить положение переднего края обороны, но и уничтожить ворвавшегося противника.—*Ред.*

лами на узком фронте, что едва ли было возможно его предотвратить в данных условиях. Но все же необходимо отметить целый ряд недочетов в управлении обороной со стороны командного состава 133-го полка, не лишенных известной поучительности. Командир 133-го полка вместо уставного охранения применил выдвижение передовых взводов от каждой роты. Способ этот в данном случае оказался совершенно недостаточным. Передовой взвод своевременно обнаружил наступление противника в колонне, но вместо задержки наступления огнем быстро отошел в свои окопы, предоставив колоннам противника беспрепятственно продолжать свое наступление. Выслушав доклад командира взвода о наступлении австро-венгерцев, ротный командир ошибочно вернул взвод на его место, что привело только к тому, что противник на плечах этого взвода ворвался в окопы. Специально построенный для обстрела лощины, лежавшей перед фронтом роты, окоп, обстрел из которого мог бы значительно затруднить движение противника и выиграть необходимое для обороны время, не выполнил своей роли по халатности командного состава, не обеспечившего этот ответственнейший участок хотя бы достаточным, если не обильным, количеством ружейных патронов и тщательной подготовкой пулемета для безотказной стрельбы.

Несомненно, что командиру полка следовало бы распорядиться поставить в этом окопе не один пулемет, а целый взвод. Кстати надо сказать, что в 1915 г. в царской армии не была еще достаточно оценена огромная роль пулеметов при обороне и не было введено в систему, чтобы расстановка их на позиции проверялась хотя бы полковыми командирами, если не бригадными, как было установлено во французской армии. В быстрой гибели 8-й роты 133-го полка, не оказавшей, повидимому, никакого сопротивления противнику, немалую роль сыграли отсутствие выработанных навыков для обороны на растянутом фронте и неудачное устройство козырьков.

На таком сильно растянутом участке (более 1 км), какой занимала 8-я рота, взводные командиры, обороняющие далеко друг от друга расположенные окопы, должны обладать известной самостоятельностью, а для этой цели знать, что делать при вероятных переменах обстановки, учитывая и крайний случай — занятие соседнего окопа противником. В момент столкновения с противником ротному командиру трудно давать каждому взводному командиру указания, и они могут запаздывать. Необходимо все вопросы разрабо-

тать заранее и составить план обороны как для роты в целом, так и для каждого взвода. Этой культуры в царской армии не было. Случай с отказом в работе взвода, поставленного для фланговой обороны лощины, подтверждает особую важность быстрой и надежной связи ротного командира с этим взводом. В нашем примере связь была только бегунами и ночью, конечно, действовала медленно. При отсутствии технических средств (телефон и радио) не оставалось ничего другого, кроме «огневой» связи, т. е. огонь из окопа для флангового обстрела опасного подступа к расположению роты должен открываться каждый раз, как только будет открыт огонь на противоположном конце ротного участка. Прием этот, предложенный одним из лучших ротных командиров 133-го полка, имеет и существенные недостатки, так как не всегда на позициях ночью бывает абсолютная тишина, а при обычной перестрелке часто будет трудно разобраться, откуда ведется огонь. В быстром прорыве участка 8-й роты немалую роль сыграли тяжелые козырьки, перекрывавшие не менее двух третей ширины окопа. По мнению участников боя, раз противник ступил на такой козырек, он становится неуязвимым, а стрелок оказывается припертым к стене, в какой-то мышеловке.

Касаясь вопроса о ликвидации прорыва на участке 8-й роты, необходимо вначале отметить, что в 133-м полку, как и в 134-м, отсутствовали современные приемы для парирования прорывов действиями ударной группы.

Полковой резерв 135-го полка, который мог бы выполнить эту роль, был использован по-ротно, что не могло дать должного эффекта. Его место было в Подкамне, но 12-я рота сменила 16-ю в окопах, 9-я находилась при штабе полка в Паликровы, 10-я в распоряжении командира 1-го батальона и 11-я с батальонным командиром двигалась за левый фланг полка. Совершенно случайно две роты этого резерва произвели контратаку и как бы сыграли роль ударной группы. Когда выяснился прорыв, в руках командира полка оказалась всего одна рота, и ему тотчас пришлось обратиться за содействием дивизионного резерва. Батальон 136-го Таганрогского полка из этого резерва и сыграл роль ударной группы. Этот небольшой пример ярко выявил все огромное значение своевременного применения ударных групп для противодействия прорывам, так как трем с половиной ротам сравнительно легко удалось выбить около четырех батальонов противника из наскоро устроенных ими окопов, несмотря на первоначальную медлительность и

крупную ошибку в назначении для выбития противника сначала только одной роты.

Неуверенность в действиях 3-го батальона 136-го полка, ликвидировавшего прорыв отчасти благодаря искусному действию полуроты 133-го полка с пулеметом, бездействие соседей показывают отсутствие навыков в производстве контратак.

Из опыта этого прорыва были сделаны командиром 9-й роты 133-го полка, капитаном Островским, интересные выводы для ликвидации небольших прорывов. Он пишет, что в случае прорыва ночью незначительного участка соседям следует тотчас же высылать небольшие части (роты, полуроты) на свои фланги, смежные с прорванным участком, для занятия фланговых позиций под прямым углом к фронту и по возможности глубже в тыл. При отсутствии отсеков или подходящих ходов сообщений эти подразделения немедленно окапываются. Фланги этих обеспечивающих частей связываются подходящими к фронту прорыва частями, предназначенными для приостановки распространения в глубину прорвавшегося противника. Таким образом останавливается распространение прорыва в стороны и в глубину. Окончательная ликвидация прорыва производится на рассвете ударной группой.

Из группировки дивизионного резерва, распределенного по-батальонно в двух пунктах (в Подкамне и Паликровах), ясно, что командир дивизии отдавал предпочтение быстроте прибытия дивизионного резерва к угрожаемому пункту перед его силою. Он стремился подачей скорой помощи не допустить неустойке на фронте принять угрожающие размеры, а в случае дурного оборота событий предполагал стягивать к месту прорыва все, что можно было взять с неугрожаемых участков фронта дивизии. Очевидно, как в дивизии, так и выше в корпусе еще не было выработанной системы применения соответствующих ударных групп для ликвидации прорывов на широком фронте, как это вошло в современную практику.

Позиции, построенные для обороны нормальными силами, поглощали слишком много войск для их занятия, а стремление командования равномерно занимать длинный фронт не позволяло выделить сильные резервы, обеспечивающие успешную контратаку. Поэтому как в мелком, так и в крупном масштабах оборона в царской армии в 1915 г. зиждилась главным образом на пассивных, а не на активных средствах.

Успеху ликвидации прорыва на участке 133-го полка способствовали и нецелесообразные действия австро-венгерцев. Если они задавались целью усиленной разведки, то следовало бы после захвата пленных немедленно отойти в свои окопы, как это всегда делали германцы при подобных налетах. Если преследовалась цель ночной атакой создать плацдарм для введения в прорыв крупных сил, то необходимо было это делать немедленно по обозначении успеха. Оставлять же без поддержки прорвавшуюся и вкрапленную в позицию противника часть означало наверное сделать ее легкой добычей противника, что и случилось.

Действия 4 и 5 сентября

Предписанное командующим 2-й австро-венгерской армией продолжение наступления 4 сентября не состоялось. В 5-м корпусе, который должен был наносить главный удар на участке между Подкамнем и Заложце, этот день был использован для перегруппировки дивизий и артиллерии.

К утру 5 сентября 34-я австрийская дивизия была сменена 43-й дивизией на фронте южнее Стиберовки и сосредоточена севернее этого селения на узком фронте. Окончательно дивизии 5-го корпуса на фронте Подкамень, Заложце заняли следующее исходное для атаки положение: от реки Иквы до южной опушки леса к юго-западу от Подкамня — 33-я дивизия, имея 65-ю бригаду на фронте шоссе, дом лесника против Подкамня и 66-ю — севернее; южнее до Стиберовки — 34-я дивизия; от Стиберовки до реки Серет — 43-я; от реки Серет до Заложце — 14-я. Таким образом, на участке главного удара Подкамень, Стиберовка, на фронте в 4 км, были развернуты полторы дивизии, или шесть полков, против 133-го русского полка, расположенного на этом участке. На участках вспомогательных атак 5-го корпуса имелись: дивизия против 134-го русского полка и дивизия против правофлангового полка 16-й дивизии соседнего 6-го корпуса. 5-й австро-венгерский корпус везде имел четверное (может быть, тройное) превосходство и шестерное на участке главного удара. Еще больше было, вероятно, превосходство в артиллерии, имея в виду, что на главном участке против 12 орудий двух русских батарей была собрана артиллерия 33-й и 34-й австрийских дивизий в числе 69 орудий, усиленная невыясненным количеством армейской артиллерии. На остальном фронте 7-го русского корпуса, к северу от Иквы, силы и группировка противника оставались прежние. Здесь австрийцы также

везде имели большое численное превосходство. В отношении артиллерии известно, что во 2-й австро-венгерской армии имелось 68 полевых и 13 тяжелых батарей против 12 полевых и 4 легких гаубичных батарей 7-го и 17-го арм. корпусов и дивизиона 6-го арм. корпуса.

Численность австро-венгерских дивизий была несколько ослаблена предшествующими боями, маршами и брюшным тифом, но все же держалась на уровне от восьми до десяти тысяч, который следует признать нормальным для конца кампании. Моральное состояние войск считалось благоприятным, но признавалось наличие в известной степени усталости. В артиллерийских снарядах ощущался недостаток. Но все эти недочеты бледнели в сравнении с подавляющим численным превосходством, которое командующий 2-й австрийской армией торопился использовать, не ожидая окончания подготовки к наступлению Южной армии Ботмера.

5 сентября атака также не состоялась по случаю дождливого и туманного дня, препятствовавшего артиллерийской подготовке. Бэм Эрмоли выразил свое неудовольствие командирам корпусов и предписал, чтобы русские позиции были безусловно прорваны к вечеру 6 сентября. Ботмер сообщил, что будет наступать 7-го, но Бэм Эрмоли остался при своем решении.

В 7-м арм. корпусе расположение частей в общем оставалось без изменений. В частности к 6 сентября 3-й батальон 136-го полка, числившийся в корпусном резерве, был расположен таким образом, что 9-я и 10-я роты стояли в Подкамне и 11-я и 12-я — у вилки шоссе. Остальные батальоны этого полка — на прежних местах. В 133-м полку после потерь 3—4 сентября в полковом резерве осталось две роты (10-я и 11-я). В остальных полках 34-й пех. дивизии перемен не последовало.

В ночь с 3 на 4 сентября четыре гаубицы из средней группы были переданы в левую группу, две остались на прежней позиции в Подкамне. 1-я батарея, поставленная 1 сентября у кладбища, южнее Подкамня, вследствие прорыва на участке 8-й роты 133-го полка, была отведена за тыловую позицию (схема 9).

На фронте 13-й пех. дивизии правый фланг 50-го полка был усилен двумя ротами 49-го полка (5-й и 6-й); в остальном без перемен.

В штабе 7-го арм. корпуса царило бодрое настроение. Успешное отбитие многочисленных атак превосходного

в силах противника в течение 2—4 сентября, несмотря на понесенные значительные потери, вселили уверенность в прочность занимаемых позиций и в стойкость войск.

5 сентября штаб 8-й армии отдал приказ об отходе в 23 часа на следующий рубеж. Были отданы всеми инстанциями распоряжения, но вечером отход был отменен. В связи с намеченным отходом возник вопрос об отводе 7-го арм. корпуса не на реку Икву, а на косую позицию: Б. Андруга, Бережцы, Н. Почаев, Подбересце (схема 1). Этим преследовалась цель оставления на месте, при отходе 8-й армии, правого фланга 11-й армии, расположенного на сильной позиции. Распоряжение это исходило от главнокомандующего фронтом, по ходатайству командующего 11-й армией. Командир 7-го арм. корпуса усиленно протестовал, мотивируя свое несогласие удлинением фронта корпуса на новой позиции до 40 км, в условиях на две трети неукрепленной позиции при пяти с половиной дивизиях противника против 7-го арм. корпуса. Сознавая невыгоду предполагаемой позиции корпуса, ген. Экк сам объехал активный участок фронта. Разведка показала, что на вновь намеченной линии существует большое количество лесных площадей, требующих много времени и рабочих для расчистки обстрела. Отсутствие естественных препятствий на участке Бережцы, Подбересце требовало для его занятия значительных сил, которых не было.

Вопрос этот не был решен ни до, ни во время сражения под Подкамнем и приобрел особенную остроту в исходе дня 6 сентября, когда стал неизбежным безотлагательный ночной отход после проигранного сражения. Под впечатлением неблагоприятных свойств намеченной для корпуса новой позиции штабу корпуса представлялась в розовом свете занимаемая им позиция. Успешный до сих пор ход обороны приписывался во многом силе Радзивиловской позиции, в особенности ее отличному обстрелу; при этом не учитывалось, что противник еще не пытался ее серьезно атаковать.

III. СРАЖЕНИЕ 6 СЕНТЯБРЯ 1915 г.

Бой у Крупца

Профыв на левом фланге 17-го арм. корпуса

(Схема 8)

Около 10 час. австро-венгерцы открыли артиллерийский огонь по всему фронту 7-го и 17-го русских арм. корпусов,

и 18-й австро-венгерский корпус энергично атаковал левый фланг 35-й пех. дивизии и правый — 13-й, направляя главные усилия на Крупец и на высоту севернее Михайловки. Части 31-й австрийской дивизии овладели окопами среднего участка 138-го пех. Болховского полка на северо-западной окраине Крупца и начали быстро распространяться внутри селения, угрожая батарее 35-й арт. бригады, занимавшей позицию у еврейского кладбища, и охватывая фланговые участки прорванного полка, правее и левее Крупца.

Батарея снялась с позиции у кладбища. Наступление австрийцев на правый фланг 50-го полка было отбито сосредоточенным огнем правой группы артиллерии 13-й пех. дивизии. Цепи противника были остановлены. Часть их разбежалась, часть залегла. Введя в бой новые силы, противник повел наступление от хут. Гайки, на левый участок 138-го полка (к западу от Крупца), и около трех батальонов одновременно начали наступать на левый фланг 137-го пех. Нежинского полка северо-западнее урочища Гнильче. Под натиском превосходных сил 138-й полк не выдержал и начал отходить на южную окраину Крупца. Отход этот был утвержден командиром 35-й пех. дивизии, приказавшим полку задержаться на линии урочища Гнильче, урочище Белая Криница на более узком фронте. Туда же были направлены дивизионный и корпусный резервы.

Около 11 час. штаб 7-го арм. корпуса получил первые сведения о прорыве и в районе Крупца от штаба 17-го арм. корпуса с извещением о посылке резервов. Командир 7-го арм. корпуса, предполагая, что 17-й арм. корпус принимает меры к восстановлению положения, пошел навстречу этому решению, и уже в 11 час. 25 мин. было послано приказание командиру 13-й пех. дивизии немедленно двинуть Уманский казачий полк и ближайшие резервы для действия во фланг и тыл прорвавшемуся противнику, сообразуясь с обстановкой, и подтянуть из Березина (10 км к югу от Крупца) к угрожаемому району резерв 13-й пех. дивизии (батальон 49-го полка) и, на случай неудачи, иметь в виду отход на линию южная окраина Крупца, Немировка, Гае Левятиньске, где местами имелись окопы с проволочными заграждениями, и далее примкнуть к основной позиции. Около полудня 17-й арм. корпус известил штаб 7-го корпуса об отходе 138-го пех. Болховского полка на линию урочище Гнильче, урочище Белая Криница. Это сведение вызвало приказание командира 7-го арм. корпуса отвести правый фланг 13-й пех. дивизии на линию урочище Белая

Криница, Немировка, Гае Левятиньске. Отход этот начался около 12 час. 15 мин. под сильным артиллерийским огнем противника по совершенно открытой местности.

Попытка организовать контратаку

Посланное штабом 7-го арм. корпуса в ответ на первое сведение о прорыве сообщение в штаб 17-го арм. корпуса о сосредоточении резервов для контратаки противника, ворвавшегося в Крупец, нашло в последнем сначала живой отклик. Оттуда около 13 час. запросили по аппарату о месте высылки резервов 7-го арм. корпуса для контратаки и было высказано мнение, что контратака от Радзивилова на северо-восток совместно с левым флангом 35-й пех. дивизии и резервами с линии урочище Гнильче, урочище Белая Криница, повидимому, даст хорошие результаты, необходимо только согласовать действия корпусов и атаковать Крупец одновременно. Вновь намечаемая линия, на случай неуспеха, урочище Гнильче, урочище Белая Криница, Немировка, признавалась выгодной, но было желательно попытаться контратакой восстановить положение. Разговор заканчивался просьбой предупредить о времени контратаки.

Между тем за истекший отрезок времени обстановка на правом фланге 7-го арм. корпуса изменилась в сторону, неблагоприятную для контратаки, так как 50-й полк начал отход на новую позицию. Это обстоятельство, однако, не вызвало со стороны 7-го арм. корпуса прямого отказа от организации намеченной контратаки, но последний уклонился от определения времени ее начала, ссылаясь на невозможность определить, когда единственный резерв, оказавшийся в районе Крупца, — батальон 49-го полка — подойдет к этому пункту. Об Уманском казачьем полке было известно, что полк подходит к Крупцу. Однако в штабе 17-го арм. корпуса уже отказались от мысли о совместной контратаке с 7-м арм. корпусом, ввиду незначительности резервов обоих корпусов, собиравшихся в районе Крупца, и сильного давления, оказываемого австрийцами на левый фланг 137-го полка в районе западнее высоты 228. В это время, около 14 час., 138-й полк подходил к линии урочище Гнильче, урочище Белая Криница и вошел в связь правым флангом с 137-м полком и левым — с батальоном 49-го полка, высланным к урочищу Белая Криница. Отход 50-го полка продолжался.

В то время, когда в штабах 7-го и 17-го арм. корпусов обсуждался вопрос о контратаке, в районе Крупца, по инициативе командира 35-й пех. дивизии, состоялся переход в наступление болховцев совместно с батальоном 49-го полка с целью облегчения тяжелого положения 137-го полка. Штаб 17-го арм. корпуса, узнав об этой контратаке, просил штаб 7-го арм. корпуса несколько задержать отход правого фланга 13-й пех. дивизии, но получил ответ, что этого сделать нельзя, так как отход 50-го полка уже замечен противником.

Отход правого фланга 13-й пех. дивизии

Оставление батальоном 138-го пех. Болховского полка рощи восточнее дороги Баранья, Радзивилов и движение противника на юг, на Крупец, выводило его прямо на группу батарей 13-й арт. бригады, расположенную без прикрытия у фольварка восточнее Радзивилова, и в тыл 50-му полку. Для противодействия этому опасному движению был выдвинут 1-й батальон 49-го полка, находившийся в корпусном резерве у ст. Радзивилов с приказанием задержать противника до принятия правым флангом дивизии нового положения. Отсюда видно, что временно командующий 13-й пех. дивизией, получив расплывчатое приказание командира 7-го арм. корпуса о контратаке, признал более отвечающим обстановке поставить батальону 49-го полка пассивную задачу обеспечения отхода 50-го полка на новую позицию. Обстоятельство это едва ли своевременно было известно в штабе 7-го арм. корпуса.

Батареям правой группы было приказано отходить повзводно, держа противника под обстрелом. 50-й полк получил приказание откинуть свой правый фланг и примкнуть к урочищу Белая Криница. Держаться на первоначальных позициях признавалось невозможным, так как противник, прорвав болховцев, заходил в тыл 50-му полку. Австрийцы заметили отход и открыли сильный огонь по окопам 50-го полка, а затем перешли в наступление, которое сдерживалось главным образом огнем батарей правой группы, от которого противник рассеялся по северной окраине Радзивилова. Около 14 час. батареи правой группы переехали на новые позиции в районе Башаровки. Пехота правого фланга продолжала отход, который закончился около 17 час. Новая линия обороны правого фланга 13-й пех. дивизии протянулась от южной окраины Крупца по северо-западной опушке

леса, юго-восточнее железной дороги, и вдоль западной окраины Немировки и далее на Гае Левятиньске, где смыкалась со старой позицией. В 52-м полку левофланговый 1-й батальон остался на первоначальных позициях, 2-й батальон был выведен из боевой линии, кроме 8-й роты, которая, оставляя свой левый фланг на месте, вместе с 3-м батальоном была откинута к востоку, причем правый фланг 3-го батальона уперся в северную опушку рощи, что севернее Башаровки. Здесь частей 50-го полка не оказалось, в прорыв шли австрийцы, для противодействия которым была выслана 6-я рота, а через полчаса — 7-я и 5-я роты. 1-й батальон 49-го полка вместе с Уманским казачьим полком занимали позицию на южной окраине Крупца, 2-й батальон этого полка находился в Перенятине, при штабе 50-го полка, и 3-й прибыл из Березина в Подзамче, где и был оставлен. Разграничительной линией между 7-м и 17-м арм. корпусами по соглашению между штабами была установлена река Баранья.

С отнесением флангов, правого 13-й пех. дивизии и левого 35-й, на линию урочище Гнильче, урочище Белая Криница, Немировка, Гае Левятиньске положение на стыке 7-го и 17-го арм. корпусов улучшилось, так как был срезан почти прямой угол у Радзивилова и фронт сократился. Участок 35-й пех. дивизии, хотя значительно сокращенный на фронте 138-го полка, представлял, однако, совершенно голые скаты, без всяких опорных пунктов, и имел открытый тыл.

Разбор действий на стыке 7-го и 17-го арм. корпусов

Оба штаба корпуса недооценили опасное положение на их стыке, не приняли мер к прочной обороне этого важного участка и не выработали плана ни для совместной ликвидации прорыва, если бы таковой случился в этом месте, ни для основательной подготовки тыловой отсечной позиции на случай неудачи. Дело свелось к бесплодным спорам: кому занимать рощу восточнее Радзивилова. Каждый заботился только о своих узких интересах, не давая себе труда посмотреть на положение на стыке в целом. Достаточно взглянуть на схему 8, чтобы видеть, что группировка батарей правой группы 13-й пех. дивизии отвечала только обороне ее фронтального участка, для обороны северного был выдвинут только один взвод 4-й батареи. В 35-й пех. ди-

визии для обороны участка Крупец, роща восточнее дороги Баранья—Радзивилов имелась только одна батарея, расположенная у еврейского кладбища. Как 1-я батарея 13-й арт. бригады, так и батарея 35-й были поставлены слишком близко к фронту северного участка и при прорыве противника в этом направлении сразу попадали в опасное положение, и надо было заботиться более о их спасении, нежели о поражении противника.

Штабам 7-го и 17-го арм. корпусов следовало бы обратить особое внимание на упрочение обороны на участке Крупец, Опарипсы и обдумать возможные варианты прорыва этого участка и соответственно расположить свои резервы. На случай неудачи надо было рекогносцировать и усовершенствовать заранее ту позицию, которую им пришлось занять при отходе, и наметить пути для отхода. Не выполнив основных требований об организации стыка, штабы 7-го и 17-го арм. корпусов оказались беспомощными в организации совместной контратаки на Крупец, несмотря на то что командиры корпусов сознавали ее необходимость.

Штабу 8-й армии, как уже было упомянуто, надо было серьезно заняться вопросом о стыке в месте перелома фронта. Имея в виду невыгодный, почти прямой угол, получающийся при переломе фронта у Радзивилова, было бы выгоднее сразу отвести смежные фланги 7-го и 17-го арм. корпусов на линию, которую пришлось занять в результате отхода.

Бой у Подкамня

Прорыв позиции 133-го пех. Симферопольского полка на участке Подкамень, Стиберовка

(Схема 9)

Около 9 час. артиллерия 5-го австро-венгерского корпуса открыла редкий огонь на фронте Подкамень, река Серет, обороняемом 133-м и 134-м полками 34-й русской пех. дивизии. Постепенно усиливая свой огонь, противник около 11 час. открыл ураганный огонь, особенно сильный по окопам 2-го и 4-го батальонов 133-го и 1-го батальона 134-го полков между Подкамнем и Стиберовкой и примерно на 1 км к югу от последней. Огонь не прекращался ни на минуту как по окопам, так и по примыкавшим к ним тылам. Окопы рот 2-го и 4-го батальонов 133-го полка, кроме левофланговой 12-й роты, через 1—1½ часа представляли картину полного разрушения — все было завалено и засыпано землей; в до-

вершение неприятель вскоре после открытия частого огня начал применять химические снаряды. Люди были ослеплены, одурманены и целыми отделениями (например в 6-й роте) ползали по окопам, ища из них выходов. Под прикрытием этого огня австрийцы начали накапливаться в Стибеꞏровке и против участков 12-й и 14-й рот 133-го полка. Батареи средней группы вели по накапливающемуся противнику сильный огонь.

Около 12 час., достигнув полного разрушения двух взводных окопов 14-й роты в районе западнее леса, что к северо-западу от Паликровы, противник перешел в наступление по всему фронту 4-го батальона, от мостика на шоссе в лощине, идущей от отметки 376 к отметке 345, до Стибеꞏровки, но главным образом напирал на проделанные ворота. Первая его попытка прорваться не удалась, и он был задержан еще в начале подъема на скат, ведущий к окопам. Огонь неприятельской артиллерии был еще более усилен. Было закончено разрушение соседних вправо окопов 14-й и 15-й рот, и противник вновь двинулся вперед, но перед проволокой он опять был задержан кучками уцелевших в окопах стрелков и залег. К этому времени были засыпаны землей командиры 14-й и 15-й рот, а у младшего офицера 14-й роты снарядом оторвало обе ноги. Третье наступление противника, приблизительно около 13 час., увенчалось успехом, и он ворвался в окопы 14-й роты.

Сведения о наступлении австрийцев поступали к командиру 4-го батальона с 12 час.; для подбодрения рот и для закрытия прорыва он выслал вскоре свой резерв — 16-ю роту, очень слабого состава, направив ее по-взводно к угрожаемым ротам. К моменту подхода взводов противник уже был в окопах, и силы его были настолько велики, что, по рассказам очевидцев, мадьяры были всюду — и в окопах, и в промежутках, и в прилегающих к окопам перелесках. Тем не менее взводы пошли в атаку, но расстрелянные огнем с близких расстояний, отхлынули назад и задержались в лесу восточнее шоссе. Около 13 час. батальонный командир, желая лично выяснить обстановку и спасти положение, взял 10-ю роту полкового резерва и повел ее на выручку через лес. Рота, выйдя на опушку, при виде подавляющего в силах противника, занимавшего все пространство по ту сторону шоссе, приостановилась у опушки леса и в атаку сначала не пошла, но, побужденная примером батальонного командира, двинулась вслед за ним. Произошла короткая, но безнадежная для русских схватка, — передо-

вая часть роты с батальонным командиром была охвачена со всех сторон и попала в руки противника, а остальные люди роты были прижаты к лесу, по которому, отстреливаясь, отошли в тыл.

Телефонная связь между штабом полка и батальонами была прервана. Около 14 час. из взвода 2-й батареи, стоявшей в районе Паликровы, донесли, что туда явился телефонист 133-го полка и просил передать в штаб полка о том, что противник прорвался на участке 14-й роты и что телефонная линия со штабом полка у них не работает. Об этом было сообщено в штаб полка, но оттуда был получен ответ, что у них нет прорыва. Очевидно, известие о нем не было еще получено в штабе, вследствие перерыва связи. Через некоторое время мимо взвода 2-й батареи стали пробегать в тыл одиночные люди 133-го полка. Один из них, пулеметчик 12-й роты, с частями разобранного пулемета в руках, подтвердил, что противник действительно прорвался на участке 12-й роты (в действительности 14-й), о чем вновь было сообщено в штаб полка.

Огонь средней артиллерийской группы был направлен на прорвавшиеся части противника, силой около 2 батальонов, которые под его действием залегли, но вскоре усилились и начали распространяться в направлении на Подкамень и Паликровы. Взвод 2-й батареи в виду противника снялся со своей позиции и присоединился к своей батарее. Люди 14-й и 15-й рот сдались в плен, и австрийцы начали продвигаться вперед в направлении к шоссе, что поставило в тяжелое положение слева 12-ю и справа 13-ю роты. Командир 12-й роты, уже контуженный, все время отбиваясь огнем, загнул свой правый фланг и продолжал держаться под натиском противника с фронта и с тыла, но вскоре был вынужден очистить окопы. В это время подходили высланные из резерва 134-го полка 6-я и 7-я роты 136-го полка с задачей занять левофланговые окопы, оставленные 133-м полком. Командир 12-й роты, увидев подходящую выручку, собрал около 50 человек и с вырвавшимися вперед людьми резервных рот бросился на «ура» и, выбив противника из взводного окопа, занял его. Другие окопы 12-й роты были заняты 6-й ротой и двумя взводами 7-й роты 136-го полка, а два взвода 7-й роты составили резерв 1-го батальона 134-го полка. После обстрела окопов огнем тяжелых орудий, которым они были сравнены с землей, противник превосходными силами атаковал отбитые русскими окопы. Остатки 12-й роты 133-го полка ушли

в тыл и больше не возвращались. 6-я рота и 3-й взвод 7-й роты 136-го полка отошли несколько назад, 4-й же взвод 7-й роты оставался еще в окопах, уже занятых левее противником. Командир взвода, старший унтер-офицер Бондаренко, по собственной инициативе бросился в контратаку во фланг противника, выбил его из окопа и захватил около 45 человек пленных. Отступивший неприятель, получив подкрепление, вновь занял окопы 133-го полка, но этим бой на левом фланге позиции 133-го полка не закончился.

Мероприятия начальника 34-й пех. дивизии для противодействия прорыву

Штаб 34-й пех. дивизии получал своевременно донесения от полков об открытии ураганного артиллерийского огня по участкам 133-го и 134-го полков, но донесение 133-го полка о состоявшемся прорыве на фронте этого полка было получено в штабе дивизии после 14 час., т. е. со значительным опозданием, происшедшим, как мы видим, вследствие перерыва телефонной связи этого полка с фронтом и отсутствия дублирования связи на случай такого перерыва. После вторичного донесения об ураганном огне и его результатах, около 14 час., командир корпуса разрешил начальнику дивизии использовать корпусный резерв по своему усмотрению. Начальник дивизии передал две роты 136-го полка из Подкамня и роту того же полка из Паликровы в распоряжение командира 133-го полка. 11-я рота 136-го полка, располагавшаяся в убежищах около вилки шоссе, к югу от Подкамня, около 15 час. 40 мин. получила приказание через командира 2-го батальона 133-го полка немедленно отправиться на левый фланг 4-го батальона 133-го полка для его поддержки, а 12-я рота около 15 час. была двинута на поддержку 2-го батальона 136-го полка. Командир 1-го батальона 136-го полка, находившегося в Паликровы, около 14 час. получил по телефону из штаба 133-го полка, а затем и из штаба своего полка приказание о немедленной высылке одной роты с патронной двуколкой в распоряжение командира 4-го батальона 133-го полка.

Только около 15 час. начальник 34-й дивизии узнал о состоявшемся прорыве на участке 4-го батальона 133-го полка и принял меры для его ликвидации. В распоряжение командира 133-го полка был передан 1-й батальон 136-го полка из Паликровы с задачей задержать прорвавшегося противника с фронта; командиру 134-го полка было приказано ата-

ковать прорвавшегося противника во фланг своим полковым резервом; командиру 3-го батальона 136-го полка с оставшимися в его распоряжении ротами атаковать противника в его левый фланг; командиру 135-го полка перебросить свой полковой резерв, усиленный ближайшей ротой батальонного резерва, в Подкамень, откуда атаковать прорвавшегося противника во фланг вслед за ротами 136-го полка. Сделав донесение об этих распоряжениях в штаб корпуса, где это донесение было получено в 15 час. 40 мин., начальник дивизии с начальником артиллерии и начальником штаба выехали в Подкамень.

Дальнейшие действия на участке Подкамень, Стиберовка

Пока в штабах отдавались распоряжения, события на фронте прорыва развертывались своим чередом. В то время как на левом фланге 4-го батальона 133-го полка австро-венгерцы встретили энергичное сопротивление подошедших рот 136-го полка, на правом фланге, никем не поддержанная, обойденная с флангов и тыла, 13-я рота, после малоуспешной попытки прорыва, сделалась добычей врага. Только небольшая часть людей роты пробилась сквозь массу обошедшего противника, просочившись к Паликровы по лесу. Около 14 час. на выручку 4-го батальона была двинута из Паликровы 2-я рота 136-го полка, но эта рота, встретившись с отступающими частями 10-й и 16-й рот 133-го полка, далее восточной опушки леса, что западнее Паликровы, не пошла. В 14 час. 30 мин. командир 1-го батальона 136-го полка получил приказание прибыть с батальоном (1-я, 3-я и 4-я роты) к штабу 133-го полка, находившемуся в фольварке у северо-западной окраины Паликровы, где после 15 час. получил приказание двигаться с батальоном по дороге к урочищу Радечина на участок 4-го батальона 133-го полка и, заняв этот участок, найти соседей, войти с ними в связь, а затем действовать по своему усмотрению. Получив это приказание, командир батальона выслал три партии разведчиков: первую партию по дороге, идущей из Паликровы на запад в лес, вторую партию правее и третью партию левее первой с целью найти участок 4-го батальона 133-го полка, а также для связи с частями, действующими справа и слева.

Первая партия разведчиков, двигаясь по дороге, вошла в лес и увидела группу людей, занимающих канаву на вос-

точной опушке леса; люди эти оказались принадлежащими к 10-й и 16-й ротам 133-го полка под командой прапорщика. Вторая партия разведчиков, двигаясь вправо, вошла в связь со 2-й ротой 136-го полка, и третья партия, двигаясь влево, вошла в связь с 8-й ротой 136-го полка. Получив от разведки все эти сведения, командир батальона решил развернуть батальон на линии обнаруженных соседей и направил: 1-ю роту без одного взвода по дороге с задачей, дойдя до леса, занять его восточную опушку; 3-ю роту — вправо от 1-й роты занять средний участок и войти в связь со 2-й ротой 136-го полка, и 4-ю роту — занять участок левее 1-й роты, войдя в связь с 8-й ротой. Движения эти были выполнены под сильным артиллерийским и ружейным огнем. Спустя некоторое время командир батальона получил приказание командира 133-го полка принять под свое командование и все части 133-го полка, находящиеся на его участке.

Здесь установился прерывчатый фронт: на восточной опушке леса 1-я рота 136-го полка и остатки 10-й и 16-й рот 133-го полка, правее леса 3-я рота 136-го полка и на высоте у отметки 345 2-я рота того же полка; левее леса с загнутым на юг флангом 4-я рота 136-го полка в связи с 2-м батальоном этого же полка. На этой промежуточной позиции роты окопались, приостановили распространение противника, заставили его окопаться в лесу, и вообще положение, по оценке командира 133-го полка, сделалось довольно прочным.

В центре и на правом фланге 133-го полка вслед за прорывом 4-го батальона, события приняли угрожающий оборот. От ураганного артиллерийского огня, начатого в 11 час., уже к 13 час. окопы 2-го батальона и 9-й роты, занимавшей окопы левее 8-й роты, были разбиты. Единичные стрелки начали оставлять окопы и уходить в тыл. Некоторые из них были задержаны находившейся в убежищах в районе шоссе 11-й ротой 136-го полка. Но все же в целом роты 2-го батальона держались в своих окопах до массовой атаки противника, несмотря на потерю двух ротных командиров, и настолько сохранили самообладание, что упорно не допускали противника, пытавшегося наступать с фронта, подойти к проволоке. 9-я же рота, наиболее сохранившаяся, не только отстреливалась, но и переходила в контратаку против тех групп, которые хотели проникнуть через проходы в проволочных заграждениях, сделанные ночью 4 сентября. 6-я рота, находившаяся на правом фланге 2-го ба-

тальона, отбила целый ряд атак на нее со стороны леса и до 15 час. держалась стойко, пока противник не стал глушить ее химическими снарядами. Одновременно роты 1-го батальона, по которым огонь артиллерии противника до 16 час. был слаб, держались в своих окопах. Около 16 час. 6-я рота не выдержала огня противника и оставила свои окопы. Во время своего стремительного бегства в тыл эта рота наскочила на выдвинутую на поддержку 2-го батальона 12-ю роту 136-го полка, в свою очередь начавшую отходить на Подкамень.

Повидимому, оставление около 16 час. своих разбитых окопов 6-й ротой 133-го полка послужило сигналом к общей атаке 33-й австрийской дивизии в направлении на западную окраину Подкамня и в промежутке между Подкамнем и рощей, что северо-западнее вилки шоссе (на схеме не показано). Эта лавина смяла роты 1-го батальона 133-го полка, занимавшие окопы в этом промежутке, и вышла к кладбищу, к югу от Подкамня, обходя роты 2-го батальона с их правого фланга. К этому же времени части 34-й австрийской дивизии, ранее прорвавшие фронт 4-го батальона 133-го полка, двигались через произведенный прорыв главной своей массой к северо-востоку, в направлении на Подкамень, и меньшей — на Паликровы. Последняя группа, как мы видели, вошла в лес, что западнее Паликровы, и была задержана 1-м батальоном 136-го полка и остатками 4-го батальона 133-го полка. Масса австрийцев, направившаяся на северо-восток, вышла в тыл 2-му батальону 133-го полка слева. Весь тыл 133-го полка простреливался сильным артиллерийским огнем легких и тяжелых батарей, а из бывших северных окопов 4-го батальона 133-го полка пулеметная батарея обстреливала шоссе.

В этой тяжелой обстановке погибли роты 1-го и 2-го батальонов 133-го полка, кроме 4-й роты, не попавшей в огневое кольцо. Некоторые из этих рот, как 6-я и 9-я, бросили свои окопы, но не сумели пробиться, так как под сильным заградительным огнем противника залегли и были захвачены в плен в этом положении, другие сдались в своих окопах. Из боя вышли только единичные стрелки, вероятно из числа самовольно оставивших окопы до натиска противника.

4-я рота 133-го полка, занимавшая окопы, расположенная по западной окраине Подкамня, оказалась вне района главного удара противника и держалась до начала отхода соседнего 135-го полка, когда отошла в направлении

на этот полк и присоединилась к своему полку на следующий день. Остатки 1-го и 2-го батальонов 133-го полка были собраны командиром 2-го батальона в Подкамне, откуда отошли в Немяч.

Контратака частями корпусного резерва

Как было упомянуто выше, командир дивизии приказал командиру 134-го полка атаковать с фланга австрийцев, прорвавшихся на участке 4-го батальона 133-го полка своим резервом, т. е. 2-м батальоном 136-го полка. Но к моменту получения приказания две роты из батальона резерва были уже израсходованы командиром полка приблизительно с той же целью, почему и задача, поставленная командиром дивизии, могла быть выполнена только остававшимися в полковом резерве двумя ротами, — силами, слишком слабыми для этой цели. Тем не менее командир 134-го полка приказал командиру 2-го батальона 136-го полка атаковать противника, прорвавшего левый фланг 133-го полка. Подходя к месту прорыва, командир батальона увидел свои 6-ю и 7-ю роты, которые при его приближении вновь перешли в наступление. От командовавшего 6-й и 7-й ротами капитана командир батальона узнал, что противник, обойдя его правый фланг, занял лес у шоссе, угрожая ему охватом с фланга и тыла. В это время были ранены ротные командиры 5-й и 8-й рот; командир батальона, видя серьезность положения, сам повел 5-ю и 8-ю роты в контратаку, штыками выбил противника из леса и, частью переколов и захватив около 100 человек пленных, отбросил его за линию окопов, но в это время противник прорвал и центр 133-го полка, угрожая правому флангу частей 136-го полка с тыла и обстреливая их с фланга не менее как 4 пулеметами.

Видя невозможность продвинуться вперед или задержаться на занятой линии, командир батальона приказал ротам, загнув правый фланг, отойти на вторую линию обороны. Противник при виде отхода рот 136-го полка вновь перешел в атаку, но был вторично остановлен контратакой батальона, после чего последнему удалось отойти на новую позицию. Около 14 час. наблюдатели заметили, что густые массы противника заняли католический монастырь (редюит) в Подкамне и наши части отошли на тыловую позицию у Паликровы. Командир батальона приказал отходить на тыловую позицию у Кутище, задерживаясь на рубежах, и дал знать об отходе 134-му полку и командиру

5-й батареи, которая продолжала обстреливать наступавшего противника, пока цепи 2-го батальона не подошли к ней на 300—400 шагов. Остановив роты на этой линии и задерживая огнем противника, пока батарея не снялась с позиции, роты отошли и заняли тыловую позицию между Паликровы и Кутище, где и оставались до начала отхода дивизии на следующий рубеж. Таким образом, контратака полковым резервом 134-го полка свелась к разрозненным атакам двух полубатальонов, которые хотя и имели частный успех, но не смогли оказать существенного влияния на общее положение в районе прорыва. Несомненно, однако, что эти контратаки не позволили противнику развивать прорыв к югу и обеспечили правый фланг 134-го полка.

Атака с севера прорвавшегося противника не состоялась. Командир 135-го полка, получив приказание начальника дивизии о контратаке частями своего полка австрийцев, прорвавших фронт 133-го полка, поднял по тревоге свой полковой резерв (три роты 1-го батальона) и направил их к монастырю в Подкамне. Начальнику левого боевого участка подполковнику Колодчуку он приказал взять роту своего резерва (13-ю), быстро двинуться к монастырю в Подкамне и, подчинив себе роты 1-го батальона, вместе с 3-м батальоном 136-го полка ударить во фланг австрийцев, прорвавших 133-й полк. 1-й батальон 135-го полка прибыл по назначению, но в контратаку не пошел, так как роты 133-го полка отходили, все местечко сильно обстреливалось, австрийцы наступали со всех сторон. 13-я рота не могла перейти через шоссе, которое обстреливалось сильным огнем тяжелых орудий противника, и к 1-му батальону не присоединилась. Командир 3-го батальона 136-го полка, получив приказ начальника дивизии около 15 час. 30 мин., выступил с 9-й и 10-й ротами и двумя пулеметами из Подкамня по лощине, что юго-западнее этого местечка, и по ходу сообщения занял резервные окопы 133-го полка. Идя по верху хода сообщения, командир батальона заметил, что в передних окопах 133-го полка наших войск не было, а там накопилось уже около двух батальонов противника.

Считая безнадежным атаковать сильнейшего противника, командир батальона приказал открыть ружейный и пулеметный огонь, на что противник ответил тем же, и вскоре роты начали обстреливаться и артиллерийским огнем. Видя, что ни вправо, ни влево своих нет, командир батальона приказал ротам отходить назад за монастырь в направлении на Немяч. Выйдя к юго-востоку от Подкамня, он встретил

командира полка, от которого получил приказание занять участок окопов тыловой позиции (схема 9).

10-я рота вошла в связь с ротами 136-го полка, несмотря на прорыв в 2 000 шагов, который был отчасти заполнен командой разведчиков.

Выезд начальника 34-й пех. дивизии на место прорыва

Отдав распоряжения по противодействию прорыву 4-го батальона 133-го полка, начальник дивизии с начальником артиллерии и начальником штаба выехали верхом в Подкамень на наблюдательный пункт средней артиллерийской группы, расположенный в монастыре. Следуя по дороге на Поповце и по южной опушке Чарны Ляс и проезжая мимо Немяча, командир дивизии встретил довольно большую группу людей 133-го полка, которая двигалась в тыл под командой командира 2-го батальона, и приказал последнему возвратиться на позицию. Прибыв на наблюдательный пункт, откуда открывался вид на все окрестности, начальник дивизии застал там еще командира 2-й арт. группы, от которого и получил сведения об обстановке в районе Подкамня. Но и без этого доклада с наблюдательного пункта были ясно видны массы противника, двигавшиеся на восток за шоссе, слабо поражаемые огнем артиллерии средней группы, расстрелявшей уже почти все снаряды. Батальона 136-го полка видно не было, резерв 135-го полка еще не прибыл. В этом критическом положении первая мысль была о спасении батарей средней группы, стоявших близко к захваченной противником позиции. Начальник артиллерии предложил отправить батареи прямо в Лопушно, но это предложение не было принято, и батареи в начале 18-го часа получили приказание сняться с позиций и уйти за Немяч, где стать на позиции. В 18 час. 30 мин. 1-я батарея стала на позиции на восточной окраине Немяча и связалась с 136-м полком.

После личной разведки с высоко расположенного монастыря начальник дивизии переехал в Немяч, где находилась контрольная телефонная станция штаба дивизии. Сюда был вызван командир 136-го полка. Ясно было, что прорыв, первоначально предполагавшийся на участке одного батальона, распространился на весь пятикилометровый участок между Подкамнем и Стиберовкой. Имелись сведения об успешной контратаке полкового резерва 134-го полка, но в районе Подкамня она не состоялась. Не рассчитывая на результаты своих контратак, предпринятых, очевидно, си-

лами, несоразмерными с массами противника, совершившими прорыв, начальник дивизии остановился на решении задержать его на тыловой позиции. К этому времени из штаба корпуса было получено напоминание, — не пора ли отходить на вторую позицию. Командир дивизии приказал 135-му полку, левому флангу которого угрожал уже обход, от Подкамня отходить. От 134-го полка был получен запрос об отходе, который также был немедленно разрешен. Считая 133-й полк выбывшим из строя, начальник дивизии приказал командиру 136-го полка объединить командование на участке тыловой позиции в промежутке между 135-м и 134-м полками. Здесь же было получено извещение командира 16-й пех. дивизии о высылке на помощь 64-го Казанского полка и Заамурской конной бригады. Начальник дивизии предполагал использовать конницу для закрытия открытых промежутков в районе прорыва. Около 22 час. начальник дивизии возвратился в свой штаб в Крутневе.

Разбор действий 133-го пех. Симферопольского полка

На 133-й полк после сильнейшей артиллерийской подготовки обрушились сразу такие подавляющие силы противника и так быстро смели гарнизон окопов, что сказать что-либо конкретное об управлении частными начальниками ниже батальонного командира во время самого боя едва ли возможно. Следует ограничиться несколькими общими замечаниями. Совершенно очевидно, что ни ротные, ни выше их стоящие командиры не учли опыта прорыва 16-й роты 3 сентября, когда окопы этой роты подверглись столь же сильному разрушению, как и в бою 6 сентября. Следовало подумать о том, как предохранить людей во время артиллерийского обстрела на случай повторения противником артиллерийской подготовки такой же силы. Этого не было сделано. Никому в голову не пришло использовать имевшиеся на позиции в достаточном числе убежища против 152-мм снарядов, а также излишние окопы и ходы сообщения для перевода в них стрелков на время артиллерийской подготовки. Это было особенно важно сделать на данной позиции, на которой высокие, частью сплошные козырьки демаскировали окопы, которые легко разрушались прямыми попаданиями снарядов и заваливали рвы землей и деревьями. Факт, что некоторые роты не выдерживали артиллерийского огня

и целиком покидали позиции, показывает, что люди не были в руках командного состава и дисциплина в полку была слаба. Как мы увидим дальше, 1-й батальон 134-го полка, находившийся в одинаковой обстановке, показал себя иначе. Управление батальонных командиров было ниже всякой критики. Командир 4-го батальона не нашел ничего лучшего, как единственный свой резерв, слабую 16-ю роту, разделить по-взводно и бросить вперед на ротные участки якобы для моральной поддержки. Командир 2-го батальона не сумел своевременно и целесообразно использовать переданные в его распоряжение две роты 136-го полка. Он же с остатками 1-го и 2-го батальонов уходил в тыл, а не искал связи с командиром полка. Что касается до управления полком, то важнейший упрек, который надо сделать командиру, — это неналаженность живой связи с батальонным командиром, что привело к тому, что командир полка узнал о состоявшемся прорыве на участке его 4-го батальона слишком поздно, когда уже меры противодействия в пределах полка оказались недействительными. Насколько слабо был ориентирован командир полка и в дальнейшем, показывают его приказания, отданные командиру 1-го батальона 136-го полка, переданного в его распоряжение командиром дивизии. Командир полка во время боя находился в тылу, в доме, а не на командном посту, оборудованном для наблюдения за боем, хотя местность давала к этому все возможности.

Бой 134-го пех. Феодосийского полка на участке Стиберовка иск., плотина у Подбересце

С 9 час. 6 сентября противник начал обстреливать участок полка артиллерийским огнем, в особенности окопы примыкавшего к 133-му полку 1-го батальона.

Наблюдателями было установлено накапливание противника в лесу, что западнее высоты 384, и движение новых больших колонн противника от Шишковцы. После полудня огнем тяжелой артиллерии противника были почти совершенно разрушены окопы правофланговой 4-й роты, засыпаны ходы сообщения и частью повреждены окопы остальных рот батальона. Ввиду ясно обрисовавшейся обстановки и больших потерь, понесенных 4-й ротой, командир полка передал в распоряжение командира 1-го батальона две роты из полкового резерва (6-ю и 7-ю роты 136-го полка). Из-за

леса северо-западнее Стиберовки показались густые цепи противника, и 5-й батарее было приказано их обстрелять. Под огнем артиллерии противник приостановился и залег. Выдвинутые вперед разведчики и боевое охранение отошли на свои позиции. Невзирая на огонь 5-й и 6-й батарей, австрийцы, подкрепляемые беспрерывно вливаемыми сильными поддержками, около 13 час. бросились в атаку, но на участке 134-го полка были отбиты и стали принимать к северу, сопровождаемые фланговым огнем 6-й батареи. Из леса же северо-западнее Стиберовки появлялись все новые цепи, наступавшие на участок 133-го полка. Эти цепи обстреливались огнем батарей левой группы, имевшей возможность брать их во фланг до самых проволочных заграждений. Ввиду того, что некоторые участки заграждений и окопов 133-го полка находились в мертвом пространстве для орудий 5-й батареи, от этой батареи был выделен в сторону взвод для более флангового обстрела ближайших подступов к окопам 133-го полка. На участке 134-го полка атака к этому времени прекратилась. Однако энергичное содействие обороне 133-го полка со стороны артиллерии левой группы не остановило противника, который сбил роты 133-го полка и занял их окопы.

Узнав об этом, командир 1-го батальона 134-го полка приказал двум ротам, без одного взвода, 136-го полка, прибывшим в его распоряжение, выбить противника из смежных окопов 133-го полка и занять эти окопы. Вслед за этим командир 134-го полка, оценивая опасность, угрожавшую его правому флангу, выдвинул и оставшиеся две роты 136-го полка под начальством командира батальона с такой же задачей: вернуть занятые противником окопы 133-го полка и обеспечить правый фланг полка. Таким образом, командир полка предупредил вскоре полученный приказ начальника дивизии об атаке прорвавшегося противника во фланг батальоном 136-го полка. Преждевременной передачей двух рот того же полка в распоряжение командира своего 1-го батальона командир 134-го полка значительно ослабил намеченный удар, который, несомненно, дал бы гораздо больший эффект, если бы был произведен целым батальоном, в особенности под начальством такого решительного и опытного командира, каким был командир 2-го батальона 136-го полка.

Ввиду обозначившегося около 15 час. наступления противника против центра полка командир полка приказал командиру 2-го батальона выделить резерв и поставить его за

своим правым флангом для встречи контратакой атакующего. Левофланговый участок полка (3-й батальон) противник все время держал под сильным артиллерийским огнем, а против левее расположенного 63-го Углицкого полка перешел в наступление. Заняв окопы 133-го полка, австрийцы стали распространяться к юго-востоку, охватывая правый фланг 134-го полка и поражая расположение 1-го батальона фланговым огнем.

В 15 час. 30 мин. австрийцы повели атаку на центр полка, 2-й батальон, но были отбиты. Отхлынувший противник, устроившись и усилившись вновь влитыми резервами, вскоре возобновил наступление по всему фронту полка густыми цепями, направляя главный удар на 1-й батальон. Ввиду поступившего донесения, что в 4-й роте полка в строю осталось не более взвода, и то наполовину контуженных людей, и пулеметный взвод, находившийся при этой роте, засыпан разрушенным блиндажом, было приказано командиру 3-го батальона выделить роту с двумя пулеметами и передать эти подразделения в распоряжение командира 1-го батальона. Между тем артиллерийский огонь противника по участку 1-го батальона усиливался. Окопы были приведены в полную негодность, и бойцы наскоро приспособились к обороне на развалинах блиндажей (козырьков), в воронках от тяжелых снарядов и за насыпями ходов сообщений. Телефонные провода рвались снарядами, и телефонисты не успевали восстанавливать линии.

Поддерживаемый сильным артиллерийским огнем, противник около 17 час. вновь попытался атаковать участки 1-го и 2-го батальонов, но, встреченный спокойным огнем, несколько отхлынул и залег. В это время обнаружился обход правого фланга участка, занятого ротами 136-го полка на участке 133-го полка, ввиду чего они были вынуждены загнуть свой правый фланг.

Около 18 час. командир левой артиллерийской группы доносил, что его наблюдательный пункт занят противником и что возле передков 5-й батареи устраиваются на позиции отошедшие подразделения 133-го полка. 2-й батальон 136-го полка, будучи обойден справа, начал отходить под натиском противника.

Положение правого фланга 134-го полка становилось критическим, но его 1-й батальон держался стойко. Ранее было приказано командиру 1-го батальона, в случае отхода соседей справа, загнуть свой фланг и держаться на занимаемой позиции, но ввиду полученного донесения, что противник

большими силами обтекает 1-й батальон, стараясь выйти ему в тыл, и с участка 133-го полка атакует 3-ю и 4-ю роты, обстреливая ходы сообщения пулеметным огнем, командир полка отдал приказ об отходе на тыловую позицию, о чем и донес начальнику дивизии. Как мы видели, этот отход уже был разрешен последним, но извещение об этом не дошло еще до командира полка. Невзирая на огневую завесу, противнику удалось окружить остатки 4-й роты и 3-ю роту, которые, не желая сдаваться, штыками пробили себе дорогу; бой шел в окопах и ходах сообщений. Отход полка совершался перекатами под сильным огнем противника. Неприятелю было оставлено несколько километров телефонного провода и несколько телефонных аппаратов, которые не успели убрать за убылью телефонистов, но пулеметы были вынесены все, причем, невзирая на явную опасность и почти полное окружение, был унесен засыпанный разрушенным блиндажом пулемет 4-й роты. Отход полка был совершен в полном порядке, и к 22 час. полк занял свой участок на тыловой позиции, восстановив связь с соседями. Вперед была выслана разведка, а Кутище занято заставами.

Разбор действий 134-го пех. Феодосийского полка

Атаковавшая участок 134-го полка 43-я австрийская дивизия наносила свой главный удар левым флангом совместно с 34-й австрийской дивизией, которая всей своей тяжестью обрушилась на 133-й полк. Удар 43-й дивизии по участку 1-го батальона 134-го полка был поддержан не менее сильной артиллерией и произведен едва ли меньшими силами, нежели удар 34-й австрийской дивизии по 4-му и 2-му батальонам 133-го полка, но результаты получились иные. В то время как 133-й полк быстро сдал, 1-й батальон 134-го полка, окопы которого были не меньше разрушены и который подвергался не только фронтальной, но и фланговой атаке, сохранил свои позиции и только по приказанию отошел на вторую линию обороны. Причины такой разницы в успехе обороны следует искать, помимо отсутствия на фронте 134-го полка укрытых подступов для атакующего, в большей стойкости 134-го полка и в спокойном, уверенном и толковом управлении как батальонных, так и полкового командиров. Несмотря на частые повреждения телефонных проводов, связь между командиром полка и батальонными

командирами поддерживалась безотказно, что видно из того, что командир полка всегда был превосходно ориентирован в обстановке на фронте, а батальонные командиры своевременно получали приказания. Командир полка вовремя подавал помощь 1-му батальону и, исчерпав свои резервы, не стеснялся образовывать новые из состава неатакуемых батальонов. Решение командира полка об отходе на тыловую позицию было принято вполне своевременно, тем более что ему было известно о состоявшемся отходе 135-го полка. Этим решением было исправлено упущение командования дивизией, запоздавшего с соответствующим приказанием.

Следует отметить полное взаимодействие артиллерии с пехотой и в особенности большое содействие, оказанное артиллерией левой группы соседнему 133-му полку, что обнаруживает прекрасное понимание обстановки начальником группы и командирами батарей. Сравнительно слабые атаки австрийцев на центр полка и их пассивность против левого фланга не требовали от 6-й батареи огня большого напряжения в этих направлениях и позволили сосредоточить огневые усилия группы на отбитии фронтальных атак на правофланговый участок и на огневое обеспечение этого участка от обхода с фланга. 6-я батарея не только содействовала 5-й своим огнем, но и передала в эту батарею три своих зарядных ящика, что позволило 5-й батарее вести стрельбу до конца боя. В 5-й батарее было выпущено за день 880 снарядов, в 6-й только 288.

Действия 135-го пех. Керчь-Еникольского полка на участке высота 368 иск., дорога Подкаменъ—Замок

С утра и до 16 час. на этом участке части 29-й австрийской дивизии не проявляли активности, хотя окопы противника были плотно набиты людьми. Эта пассивность неприятеля позволила выделить из 135-го полка для действий в районе прорыва не только полковой резерв, но и роту батальонного резерва левого участка. Около 16 час. в штабе полка были получены сведения об оставлении окопов 1-м батальоном 133-го полка на участке южнее дороги Подкамень, Замок и вскоре последовало приказание начальника дивизии об отходе на тыловую позицию. Тыловая позиция 135-го полка была им мало изучена. Только в 14 час. пол-

ком было получено приказание о разведке этой позиции, так как планов ее не имелось. Посланные офицеры нашли только к вечеру с большим трудом некоторые окопы, не уяснив себе конфигурации позиции в целом. В действительности тыловая позиция (схема 3) на участке 135-го полка шла западнее высоты 368, что севернее Макетюки, по западной окраине последней на Бикдасы. Здесь тыловая позиция близко подходила к основной, образуя как бы ее вторую линию. Восточнее, по северному берегу реки Иквы, окопов не было. К югу от реки Иквы позиция глубоко вдавалась к востоку, образуя систему окопов для обороны Чарны Ляс, западный фас которых пересекал этот лес недалеко от восточной окраины Подкамня и далее продолжался на Паликровы. Разграничительные линии между дивизиями и полками даны не были. Батальоны 135-го полка, отходя под натиском противника, не сумели найти свои участки и разбрелись, обнажив фланги соседей.

Получив около 17 час. приказание отходить на тыловую позицию, командир 135-го полка приказал, оставив в окопах по два отделения на роту, постепенно выводить роты скрытно ходами сообщения на вторую позицию на линии Тетыльковцы. Роты левофлангового 4-го батальона отошли благополучно. 4-я рота и полурота 11-й роты, находившиеся в Накваше, отходили уже под артиллерийским огнем противника. Австрийцы заметили отход и начали осыпать 3-й батальон, занимавший участок севернее 4-го до Накваши вкл., шрапнельным огнем и перешли в наступление густыми цепями, которых насчитывалось до шести, двигавшихся одна за другой. Правофланговый 2-й батальон, занимавший участок от высоты 368 иск. до Накваши иск., начал отходить после 3-го батальона беспрепятственно. Противник ворвался в Наквашу и стремился проникнуть в Тетыльковцы, но был задержан фланговым огнем взвода 10-й роты. Роты 3-го батальона успели занять участок позиции у Тетыльковцы. На западной окраине Тетыльковцы раньше других стала полурота 11-й роты, а к югу от Тетыльковцы разместились 4-я, 16-я, 15-я, 14-я и 13-я роты, стараясь удлинить фронт к югу и связаться с ротами 1-го батальона и 136-м полком. Посланные для связи с 1-м батальоном два ординарца не нашли его и пропали без вести. 2-й батальон оторвался, связи не искал, и все посланные не могли его найти.

Таким образом к 20 час. 3-й и 4-й батальоны под общим начальством командира полка заняли не окопы заблаговре-

менно укрепленной тыловой позиции, а произвольную линию от западной окраины Тетыльковцы на юг. Не выяснено, как далеко протягивалась эта линия и доходила ли она только до северной окраины Чарны Ляс или пересекала его. Вероятнее первое предположение, так как в противном случае нетрудно было бы найти 136-й полк на открытой местности западнее Немяча. 1-й батальон пристроился к правому флангу 136-го полка, а 2-й, не встречая на своем пути укрепленной линии, сразу отошел до Поповце, где в 22 часа присоединился к полку. Находясь в районе Тетыльковцы, 135-й полк в составе двух батальонов получил донесение, что левый фланг 4-го батальона обходят австрийцы и в тылу этого фланга появились уже разведчики противника, вероятно проникшие при преследовании в Чарны Ляс. Это послужило поводом к дальнейшему отходу полка на западную окраину Поповце. Эту новую линию полк занял к 21 часу. Сильный дождь и темнота не позволяли ориентироваться. Командир полка взял одну роту из 3-го батальона в свой резерв и распорядился высылкой вперед разведчиков и полевых караулов. Здесь полк получил приказание начальника дивизии в 22 часа начать отход на следующий рубеж.

Бой на левофланговом участке 13-й пех. дивизии (иск.) Гае Левятиньске, высота 358

(Схема 8)

Одновременно с главным ударом, наносимым войсками 5-го австро-венгерского корпуса, 51-я гонведная дивизия 4-го корпуса должна была овладеть высотой Макутрой на участке 51-го пех. Литовского полка 13-й русской дивизии. В 1 км западнее отметки 354 на безыменной высоте был устроен передовой опорный пункт с хорошо оборудованными окопами, блиндажами и сильными проволочными заграждениями в четыре-шесть рядов, с превосходным обстрелом во все стороны. Австрийцы оценили это укрепление как крепость и уже накануне поставили 30,5-см батарею для подготовки атаки. Артиллерийская подготовка атаки на участке 51-го полка началась после 16 час., а атака последовала по обнаружении отхода 135-го полка. В результате этой атаки около 18 час. противник занял «опорный пункт», оставленный 4-й ротой 51-го полка, понесшей большие потери и потерявшей разбитыми свои пулеметы. В то же время, вследствие обнажения левого фланга 51-го полка

в результате отхода 135-го полка, не остановившегося на тыловой позиции, противник начал обтекать этот фланг. Высланная для установления боевой связи с 135-м полком 12-я рота не нашла последнего и была окружена австрийцами в тылу позиции. Последующие разведки фланга 135-го полка, естественно, также оказались бесплодными. Обстоятельство это в связи с наседанием противника с фронта и проникновением в стык с 52-м полком, при отсутствии в полку резервов, создавало очень тяжелую обстановку, сильно нервировавшую командование 13-й дивизии. Командование не признавало возможным отходить на тыловую позицию, так как на последней было только несколько полукольцевых окопов без проволочных заграждений, вырыть же окопы за ночь под натиском противника признавалось невозможным. Поэтому уже в 18 час. 30 мин. командующий дивизией доносит командиру корпуса о невозможности удержаться на занимаемых позициях и желательности отойти за реку Икву.

Деятельность штаба 7-го арм. корпуса после 19 час. 6 сентября до получения разрешения отойти за реку Икву

Тяжелое положение, создавшееся на фронте 13-й дивизии вследствие отхода 34-й на тыловую позицию, резко изменило дотоле спокойное настроение в штабе 7-го корпуса. Час тому назад имелась надежда создать новую линию обороны, связав левый фланг 13-й дивизии с правым 34-й, отходившей, как предполагали, на 1—1½ км назад. Неожиданно возникшие трудности при установлении этой связи, вследствие отхода правого фланга 135-го полка в неизвестном направлении, и переход противника в наступление по всему прежнему фронту 135-го и 51-го полков, в связи с тревожными донесениями штаба 13-й дивизии, подорвали в штабе корпуса уверенность в прочности положения на его фронте и заставили около 19 час. запросить указаний командующего армией на случай, если не удастся удержаться на тыловой позиции. Менее чем через полчаса штаб 13-й дивизии уже просил разрешения начать отход сегодня же на фронт Б. Андруга, Млыновцы, подтверждая, что оставление левого фланга корпуса у Подбересце не отвечает обстановке. Об испрашиваемом разрешении на отход начальник штаба 7-го корпуса сообщил командиру 6-го корпуса

между 19 час. 30 мин. и 19 час. 50 мин. Во время этого разговора было решено задержать 64-й полк на ночлег в Ново-Олексинце, так как было ясно, что он достигнет даже Загуже не ранее наступления темноты. Обстановка на фронте 6-го корпуса, а также и на левом фланге 11-й русской армии, где обозначился крупный успех на стыке с 9-й армией, делала отход крайне нежелательным. Поэтому ген. Гурко между 20 час. и 20 час. 30 мин. пытался уговорить штаб 7-го корпуса задержаться при отходе левым флангом на высоте селения Серетце, так как такое положение левого фланга 7-го корпуса давало бы возможность 6-му корпусу остаться на занимаемой им позиции. Не без основания Гурко ссылался на свой опыт, указывая, что он держался против пяти австрийских дивизий, занимая фронт более 30 км, и что после первого натиска австрийцы быстро выдыхаются. Из ответа Лазарева выясняется, что уже к этому времени штаб корпуса начинает представлять себе обстановку в более мрачных красках, чем это было в действительности. Начальник штаба 7-го корпуса, не давая прямого ответа на вопрос командира 6-го корпуса, интересовавшегося положением левого фланга 7-го корпуса, очевидно, при предполагавшемся отходе, заявляет, что задержаться на второй линии (тыловой позиции) нет никакой возможности, обнаружен глубокий обход, который может отразиться и на 16-й дивизии. 13-я дивизия, расположенная на 20 км, также атакована превосходными силами... части отступают под натиском противника... и в заключение высказывает мнение, что и 16-й дивизии пора начать отход. На замечание Гурко о том, что теперь, с наступлением темноты, давление австрийцев должно было прекратиться, Лазарев отвечает, что противник продолжает так же энергично теснить, и определить время, когда он прекратит свое давление, представляется невозможным... Сейчас он прошел через вторую оборонительную линию... Окончательный вывод, что в интересах сохранения корпуса считается необходимым отход за реку Икву.

Из предыдущего изложения ясно, что начальник штаба корпуса рисовал себе обстановку в искаженном виде, так как в действительности в то время, когда происходил приведенный разговор, 34-я пех. дивизия устраивалась на тыловой позиции, совершенно не тревожимая противником, который ограничился на ее фронте занятием основной позиции и Подкамня. Правда, на правом фланге дивизии 135-й полк отошел несколько восточнее, но противник за ним не по-

следовал и не пытался обходить правый фланг 136-го полка. Где и когда обнаружился глубокий обход, который мог бы отразиться и на 16-й пех. дивизии, совершенно непонятно. Правый фланг последней был обеспечен 134-м полком, без помехи отходившим на тыловую позицию. Штаб 7-го корпуса оценивал положение 34-й дивизии тяжелее, чем 13-й, тогда как в данный момент обстановка уже изменилась. В то время, когда 34-я дивизия отходила на хорошо оборудованную и резко обозначенную на местности позицию, у 13-й дивизии в тылу, в сущности, не было подготовленной позиции, которую можно бы было безошибочно занять ночью; левый фланг этой дивизии был обнажен вследствие отхода 135-го полка, и дивизии, кроме фронтального нажима, угрожал обход с левого фланга. Со стороны начальника дивизии уже начали сыпаться донесения о невозможности ни держаться, ни отойти на тыловую позицию и как на единственный выход указывалось на немедленный отход на Кременецкую позицию. От командира 34-й дивизии никаких новых донесений после его отъезда на фронт не поступало.

Во время упомянутого разговора в штабе 7-го корпуса кипела работа по отдаче последних распоряжений на случай отхода, в том числе об отправлении штабом 13-й дивизии 3-го Уманского казачьего полка в Н. Почаев, где последний должен получить указания от командира 135-го полка (о прикрытии отхода за реку Икву); о связи штабов дивизий со штабом корпуса во время отхода (для 13-й пех. дивизии оставлялся пост летучей почты в Дунаеве, для 34-й — в Залесце); о срочных донесениях: для 13-й дивизии с линии Комаровка, Почаев, для 34-й — Почаев, Ростоки, Мал. Горынка (схема 1) — обеими по занятии позиции; о немедленном отходе всех корпусных учреждений в Ямполь и т. д. Штабы дивизий предупреждались, что отход может быть начат только по получении разрешения командующего армией, которое еще не было получено. Серия этих предварительных распоряжений была завершена донесением командира корпуса командующему армией о необходимости для сохранения корпуса немедленно начать отход, ссылаясь на доклад командира 34-й дивизии, что он дольше держаться не может, не положив всю дивизию. Последнее являлось безусловно вымыслом, так как командир 34-й пех. дивизии в 21 час., когда передавалась эта депеша, находился на позиции и непосредственной связи с штабом корпуса не имел. К тому же командир 34-й пех. дивизии, на-

оборот, считал свое положение на тыловой позиции достаточно прочным и ожидал прибытия Заамурской конной бригады, чтобы усилить свою боевую линию. О положении, создавшемся на правом фланге, вследствие отхода 135-го полка к Поповце, ему известно не было.

Тревожные донесения поступали непрерывно одно за другим от 13-й пех. дивизии.

В 20 час. 33 мин. спрашивается о часе отхода с предупреждением, что если таковой не будет указан, то дивизия будет отходить в 21 час. В 21 час 15 мин. вновь донесение с просьбой «разрешить отходить, так как австрийцы ведут наступление в районе Немировки и на левом фланге литовцев, обходя этот фланг. Положение последних трудное». На это донесение последовало разрешение командира корпуса отходить, задерживаясь, где возможно, до получения разрешения командующего армией на отход за реку Икву.

В этот момент, в 21 час 40 мин., был, наконец, получен ответ Брусилова на просьбу об отходе за реку Икву, в котором последний уведомлял, что запросил главнокомандующего, но последний еще сегодня подтвердил приказание, чтобы левый фланг 7-го корпуса был у Подбересце. В дальнейшем он предупреждает, что даже при получении разрешения отходить на следующий рубеж левым флангом на Млыновцы, армия может отойти только в ночь с 7 на 8 сентября.

Этот неожиданный ответ переполнил чашу терпения, и командир 7-го корпуса в отчаянии донес, «что части войск корпуса сбиты с позиции и медленно отходят, задерживая, насколько возможно, противника. Начальники дивизий считают невозможным удерживаться сутки, не потеряв дивизий. Только пользуясь темнотой, могу благополучно вывести войска из боя. Резервы 6-го корпуса своевременно подойти не могут и задержаться левым флангом наиболее пострадавшей 34-й дивизии тоже невозможно. Впервые докладываю, что удержаться не могу, не рискуя корпусом». Но, пока еще это донесение не было отправлено, начальник штаба 8-й армии вызвал по аппарату в 21 час 45 мин. начальника штаба 7-го корпуса с целью переговорить о содержании донесения о необходимости отхода. Он передал, что указания относительно отхода командующим армией уже даны. Если в силу необходимости указания эти в полном размере выполнить невозможно, то Брусилов разрешает 34-й дивизии несколько отойти и закрепиться. Отходить шаг за шагом в связи с 13-й дивизией и 6-м корпусом. На

эти указания было дословно передано заготовленное паническое донесение командира корпуса. Ознакомившись с этим донесением, ген. Брусилов сам подошел к аппарату и передал давно известное командиру 7-го корпуса сведение о содействии 6-го корпуса и спросил, сообщено ли командиру 17-го корпуса об оставлении 7-м корпусом своих позиций. По вопросу же об отходе ни слова. Ген. Экк в своем ответе, очерчивая мрачными красками обстановку, вновь ходатайствовал о разрешении отвести корпус за реку Икву, так как помощь, предлагаемая командующим 11-й армией, изменить положения не может. Неизвестно, что бы на эти настойчивые просьбы об отходе ответил ген. Брусилов, но прежде чем он успел это сделать, была получена телеграмма главнокомандующего, разрешавшая отход 8-й армии за реки Горынь, Стубель, Иква, левым флангом на Млыновцы. В дальнейшем продолжался разговор уже между начальниками штабов по урегулированию некоторых частных вопросов отхода. Только что кончился этот разговор, как начальника штаба 7-го корпуса вызвал к аппарату ген. Гурко, который все еще надеялся, что 7-й корпус останется на месте или, по крайней мере, отойдет только своим правым флангом и центром, не отрываясь от настоящего расположения 6-го корпуса. Сообщение о разрешении главнокомандующего сделало излишними дальнейшие разговоры. В 23 часа 35 мин. был предупрежден штаб 17-го корпуса об отходе 7-го корпуса и о том, что вскоре последует об этом приказ по армии. О том же передано в штабы 13-й дивизии в 23 часа и 34-й — в 23 часа 30 мин. Но это разрешение явилось простой формальностью, так как обе дивизии уже находились в пути на новый рубеж.

Отход дивизий 7-го арм. корпуса

Командиром корпуса было дано разрешение обеим дивизиям на постепенный отход, задерживаясь, где возможно, а дивизии отдали приказы об отходе на следующий рубеж до получения разрешения главнокомандующего.

Оправдывается ли этот самовольный уход обстановкой?

Разрешение командира корпуса отходить постепенно, задерживаясь на встречных позициях, теряло всякий смысл с наступлением темноты, так как отходить ночью в боевом порядке представлялось невозможным. К тому же 6 сентября темнота наступила очень рано и, по показаниям очевидцев, было так темно, что хоть глаз выколи. Оставалось

два решения: оставаться на месте или отходить сразу на следующий рубеж.

В 13-й дивизии, между 20 и 21 час., обстановка сложилась так, что если бы командующий дивизией и израсходовал свой резерв на обеспечение своего левого фланга, то и в этом случае едва ли дивизия могла безопасно оставаться на своей позиции до утра, так как, по австрийским сведениям, было приказано 29-й дивизии, занявшей окопы 135-го полка, ударить во фланг 13-й дивизии от Накваши, и эта атака не состоялась только потому, что русские своевременно оставили свои позиции. О том, что 13-я дивизия не могла в темноте задержаться на тыловой позиции вследствие того, что эта позиция была только обозначена несколькими окопами, было сказано ранее. Поэтому для этой дивизии в обстановке ухудшающегося положения на фронте и неполучения своевременно распоряжения свыше не оставалось иного исхода, как отдать приказ об отходе на следующий рубеж. По этим соображениям отход 13-й пех. дивизии следует оправдать.

Менее ясно положение в 34-й пех. дивизии. Последняя спокойно заняла тыловую позицию. О том, что 135-й полк где-то блуждал в потемках, командиру дивизии в то время не было известно. Ожидалось прибытие Заамурской конной бригады, а к утру 64-го пех. Казанского полка. Противник не теснил. Казалось, что 34-я пех. дивизия могла дождаться разрешения главнокомандующего, тем более что 134-й полк только к 22 час. устроился на тыловой позиции. Между тем полкам был отдан приказ о начале отхода на следующий рубеж в 22 часа. Эта преждевременная отдача приказа может быть объяснена только недоразумением при передаче распоряжения о разрешении постепенного отхода. Вероятно, письменному распоряжению штаба корпуса об этом отходе предшествовало устное, которое при передаче через контрольную станцию дошло до начальника дивизии в искаженном виде. Автор твердо помнит, что начальник 34-й пех. дивизии был недоволен, что штаб корпуса отдал приказ об отходе, не узнав его мнения о положении на фронте дивизии. На донесение дивизии об отходе последовал, повидимому, приказ об отмене этого распоряжения, так как в делах Центрального архивного управления имеется донесение командира 34-й пех. дивизии, поданное на телеграф в Крутневе в 22 часа 15 мин., с изложением хода действий и указанием на опасные последствия перемены распоряжений ночью при отсутствии телефонной связи с полками. Из

этого донесения ясно, что дело шло об отходе на следующий рубеж, а не о постепенном отступлении по рубежам.

Полученное вскоре разрешение главнокомандующего на отход исчерпало этот вопрос.

Отход 34-й пех. дивизии совершался беспрепятственно тремя полковыми колоннами под прикрытием прибывшей из 6-го корпуса Заамурской конной бригады. Отход 13-й пех. дивизии прикрывал 3-й Уманский казачий полк.

Около полудня 7 сентября обе дивизии спокойно заняли назначенные им участки на Кременецкой позиции.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Оценка деятельности штаба 7-го арм. корпуса

Перед командованием 7-го корпуса стояла задача — удерживать заблаговременно укрепленную позицию протяжением около 30 км (впоследствии 35 км) силами двух пехотных дивизий в составе двадцати пяти с половиной батальонов. Так как в империалистическую войну на русском фронте при нормальном расположении для обороны приходилось по 1 км на батальон, или 8—10 км на дивизию, или 20 км на корпус, то расположение 7-го корпуса являлось растянутым в полтора раза против нормы; эта задача была решена штабом 7-го корпуса шаблонно, не вдумываясь в сложившуюся оперативную обстановку и без достаточного учета свойств укрепленной полосы.

Первоначальный фронт от Радзивилова до Подбересце длиной в 30 км был разделен поровну между дивизиями, и из каждой дивизии выделено по двухбатальонному полку в качестве корпусного резерва. Расположение этих полков было предоставлено усмотрению командиров дивизий, почему последние являлись корпусным резервом только по наименованию, в действительности же дивизионными, так как, при условии передвижения походным порядком, едва ли могли быть своевременно введены в дело на участке другой дивизии. Штабы дивизий в своих приказах для обороны даже упустили наименование корпусного резерва и впоследствии вынуждены были, после напоминания штаба корпуса, издать дополнительные приказы. Сущность дела, однако, от этого не изменилась. В 13-й пех. дивизии два батальона корпусного резерва располагались на ст. Радзивилов и служили для обеспечения правого фланга дивизии, а в 34-й были по-батальонно распределены вдоль всего

фронта дивизии, с целью более быстрой подачи помощи на участке своей дивизии. О работе их на стыке дивизий корпуса или совместно со смежными дивизиями соседних корпусов в штабе 7-го арм. корпуса не подумали. Поэтому, когда возникла надобность в парировании прорыва на левом фланге 17-го арм. корпуса, то в корпусном резерве вместо двух батальонов оказался только один батальон, притом так расположенный, что не мог своевременно попасть к месту прорыва, а второй батальон оказался влитым в боевой участок 50-го полка.

Оперативная обстановка штабом корпуса совершенно не учитывалась, и крупный прорыв на фронте 34-й пех. дивизии для него явился полной неожиданностью. Еще меньше учтены были свойства занятой укрепленной позиции. Важнейшие узлы позиции — Радзивилов и Подкамень — были заняты только на их переднем краю; окопы, развитые в глубину, и редюит в Подкамне (укрепленный монастырь) оставались пустыми. Тыловая позиция не была изучена, и не было дано указаний для ее занятия в случае надобности. Повидимому, схема позиции имелась только в штабе корпуса [1], причем сомнительной верности.

Инженерные постройки на некоторых участках позиции, в особенности на тыловой позиции, отличались сложностью и требовали подробного изучения при содействии строителей. Последние же 28 августа переехали на новый участок строительства, не оставив никого, кто бы помог войскам разобраться в сложной системе огромного количества окопов, не связанных между собою в сплошные линии. О наличии редюита в Подкамне и укреплении опушки Чарны Ляс, что восточнее Подкамня, командир дивизии и не подозревал, тем более что инженерный план позиции не был им получен.

Ни штаб корпуса, ни штабы дивизий не дали войскам никаких указаний об особенностях занятия и ведения обороны на широком фронте, хотя групповая система, примененная при постройке позиции, казалось бы, должна была наталкивать на эту мысль. Идея обороны при содействии ударных групп, уже широко практиковавшаяся на Западном фронте, не была освоена на русском фронте, и войска при всех условиях стремились сомкнуться локоть к локтю и превратить группы укреплений в сплошные линии. Промежуток в 800 шагов к северу от вин. завода на участке

[1] В делах архива не найдено схем, предназначенных для войск, а только инженерные планы строительного отряда.

134-го полка вызвал большие опасения командира этого полка за прочность позиции, и полк немедленно приступил к заполнению его сплошными окопами. Стремление занять передний край сплошным порядком без промежутков вело к поглощению почти всей живой силы, почему не оставалось людей для резервов. При таком способе занятия позиций едва ли можно было думать об удержании их даже войсками, обладающими высокой стойкостью и выдержкой. Мощной артиллерией и сильным ударом противник мог прорвать тонкую линию на любом участке.

Не подготовив себе мощного кулака, посредством которого можно было влиять на исход боя на угрожаемых участках, штаб корпуса был вынужден вместо энергичных мер по ликвидации прорыва на фронте прибегать к отходам, как единственному средству, имевшемуся в его распоряжении для избежания крупных неудач. Проявив на бумаге некоторую активность при известии о прорыве левого фланга 17-го арм. корпуса в районе Крупца, штаб корпуса не следил за исполнением своих приказаний, совершенно иначе понятых, и быстро отказался от своего намерения, предпочитая уклониться от боя отводом войск правого фланга на тыловую позицию. Выяснив трудное положение, создавшееся на левом фланге 13-й пех. дивизии после отвода 34-й на тыловую позицию, он не потребовал от штаба 13-й пех. дивизии использования дивизионного резерва для обеспечения своего левого фланга, а безоговорочно присоединился к мнению этого штаба о необходимости немедленного отхода на следующий рубеж.

Несмотря на наличие в штабе корпуса делегатов связи с подчиненными штабами, сведения которых позволяли хорошему осведомлению об обстановке, штаб 7-го арм. корпуса к 20 час. 6 сентября теряет правильное представление о происходящем на фронте, не останавливаясь перед преувеличением опасностей своего положения с целью обоснования требования о разрешении отхода за реку Икву. Трезвые слова командира соседнего 6-го арм. корпуса не оказывают ни малейшего влияния на течение мысли начальника штаба, который в ответ рисует еще более неприглядную и расходящуюся с действительностью картину. Гонимый призраками, в темноте ненастной осенней ночи штаб корпуса добивается давно желанного разрешения на отход, когда последний уже идет полным ходом без какой-либо помехи противника.

В действительности австро-венгерские войска к ночи

окончательно выдохлись и не только не в состоянии были преодолеть тыловую позицию, но даже неспособны были к простому преследованию отходящих.

Удивительно, как быстро сменялась декорация в штабе 7-го арм. корпуса после получения разрешения на отход. Войска спокойно и без давления противника совершают утомительный ночной марш по размокшим от дождя дорогам и столь же спокойно занимают новые позиции. Было ли бы это возможно, если бы противник так настойчиво давил, как рисовал это себе штаб корпуса?

При решении частного вопроса о косой позиции, предложенной главнокомандующим для занятия 7-м арм. корпусом, командование этого корпуса преследовало узкую цель — перейти на следующий рубеж в возможно спокойных и удобных условиях, не считаясь с общей оперативной обстановкой. Последняя была хорошо известна главнокомандующему и штабу 11-й армии и настоятельно требовала оставления 6-го корпуса на прежней позиции ввиду успеха русского прорыва в районе Трембовля. Только равнодушное отношение 8-й армии к успехам на стыке 11-й и 9-й русских армий и уступчивость главнокомандующего, слепо доверившего донесениям подчиненных штабов, позволили разрешить этот вопрос согласно желанию командира 7-го арм. корпуса. Однако могло случиться иначе, и штабу 7-го корпуса предъявлено было бы категорическое требование отойти на косую неукрепленную позицию. Произошла бы от этого катастрофа в 7-м арм. корпусе, как показалось его командиру? Изучение двухверстной карты показывает, что по линии Бережцы (впоследствии Дунаев), Н. Почаев, Лосятин, Лопушно, Панасовка, Загуже могла бы быть выбрана позиция весьма сильная по природным свойствам, на что указывал ген. Гурко, которую возможно было бы отстаивать с большим упорством, несмотря на отсутствие заранее подготовленных укреплений. Строящиеся самими войсками окопы, в их первоначальном виде, сравнительно с укреплениями инженерной постройки обычно отличаются малозаметностью, которая, в соединении с хорошей маскировкой, восполняет недостаток в прочности закрытий.

Несомненно, от войск потребовалось бы проявление гораздо большего напряжения, чем при отходе на заранее подготовленную позицию река Иква, Млыновцы, но едва ли превышающего их силы. Три полка 34-й пех. дивизии, которым предстояла наиболее трудная задача, были еще настолько свежи, что, вероятно, справились бы с нею. Мы

назвали линию с левым флангом у Загуже, а не у Подбересце. Это та линия, которую предлагал занять 7-му арм. корпусу ген. Гурко и при которой ему пришлось бы выделить один-два батальона для обороны реки Серет на участке Подбересце, Загуже, что, по его словам, не представило бы никаких затруднений. Усиление 7-го корпуса к утру 7 сентября пехотным полком и трехполковой конной бригадой из состава 6-го корпуса содействовало бы упрочению положения на фронте этого корпуса. По изложенным соображениям можно считать, что положение 7-го арм. корпуса на косой позиции было бы не так опасно, как казалось командиру корпуса, так как австрийцам пришлось бы вновь начинать прорыв, который они не успели развить 6 сентября.

Штаб 7-го корпуса находился в непосредственной связи с соседними корпусами и поддерживал с ними постоянные сношения, из чего, однако, не вытекает, что взаимодействие корпусов находилось на должной высоте. Вопрос о занятии участка от дороги Баранья — Радзивилов до Крупца частями того или другого корпуса до конца остался неразрешенным, и промежуток в 5 км был занят только одним батальоном 17-го арм. корпуса. Это обстоятельство было одной из причин быстрой сдачи своих позиций левым флангом этого корпуса.

Штабам 7-го и 17-го арм. корпусов не удалось организовать совместную контратаку для ликвидации прорыва на левом фланге 17-го арм. корпуса, и вопрос этот был решен отходом. Неподготовленность к взаимным действиям на стыках, колебания, отсутствие единства взглядов и известный эгоизм, обычно присущий войсковым соединениям царской армии, мешали успешным и дружным действиям смежных флангов этих корпусов. Между 7-м и 6-м арм. корпусами, благодаря правильному отношению Гурко к нуждам соседа и хорошим личным отношениям между ним и начальником штаба 7-го арм. корпуса, взаимодействие было. Однако и здесь штаб 7-го арм. корпуса не пошел навстречу 6-му в вопросе о косой позиции, отдав предпочтение интересам своего корпуса, а не общего дела.

Оценка управления боем начальниками 13-й и 34-й пех. дивизий

В 13-й пех. дивизии выделяются два момента, по которым можно судить о качестве управления со стороны начальника дивизии: прорыв у Крупца и обнажение левого

фланга дивизии вследствие отхода 135-го полка. В обоих этих случаях руководство боем находилось на недостаточной высоте.

Штаб 13-й пех. дивизии не продумал заранее своих действий в случае прорыва на слабо занятом промежутке между Радзивиловом и Крупцом, не изменил расположения корпусного резерва, выбор места которого был предоставлен его усмотрению, и артиллерии и не вошел в соглашение о совместных действиях со штабом 35-й пех. дивизии. Прорыв у Крупца застал штаб 13-й пех. дивизии врасплох, и ему пришлось вместо организации контратаки, как это было предписано штабом корпуса, использовать батальон корпусного резерва и Уманский казачий полк для обеспечения своего отходящего правого фланга.

При обнаружившемся к 18 час. опасном положении левого фланга начальник дивизии не принял никаких мер для его обеспечения, хотя располагал батальоном дивизионного резерва в Подзамче, а сразу с настойчивостью, достойной лучшего применения, запросил разрешения отойти за Икву. Когда вопрос о разрешении отхода затянулся, а положение 51-го полка, казалось, ухудшилось, начальник дивизии не нашел ничего лучшего, как приказать полку отойти и стянуться в Подзамче к штабу дивизии. Сюда же в дальнейшем собрался 52-й полк, и 2-я бригада двинулась в Дунаев. Полки 1-й бригады сосредоточились в Стояновке, откуда проследовали через Крыжи на Бережцы. По отдаче распоряжений для отхода начальник дивизии выехал на автомобиле в новую стоянку штаба. Вид начальника, едущего на автомобиле, когда войска топтали осеннюю грязь по отвратительным дорогам, справедливо вызывал их нарекания, что нашло отражение даже в журнале военных действий одной из батарей 13-й арт. бригады. Начальник дивизии при отходе должен быть при арьергарде и руководить отходом войск.

Штаб 13-й пех. дивизии недостаточно внимательно отнесся к вопросу о стыке с 34-й пех. дивизией, почему 51-й полк первоначально не занял высоту 358. Упущение это не имело вредных последствий, так как было быстро исправлено, но все же потребовалось вмешательство штаба корпуса.

Начальнику 34-й дивизии приходилось во время боя принимать три важных решения: о мерах противодействия прорыву на участке 133-го полка, об отходе на тыловую позицию и об отходе на следующий рубеж. Решение о ликвида-

ции прорыва 133-го полка контратакой с обоих флангов было принято при неясной обстановке. Прорыв, казалось, был невелик только на фронте одного батальона, но уверенности в этом не было. Желание выяснить положение дел на атакованном участке побудило начальника дивизии, после отдачи распоряжений, выехать к месту прорыва. Личное ознакомление с обстановкой показало начальнику дивизии, с одной стороны, что контратака с севера не состоялась и, с другой, что прорыв принял гораздо большие размеры, чем можно было судить по полученным в штабе донесениям. Отсюда вытекала необходимость принятия решения, своевременно подсказанного штабом корпуса, об отводе дивизии на тыловую позицию. При заполнении промежутка, создавшегося вследствие почти полного уничтожения 133-го полка, все три батальона 136-го полка, к счастью, оказались на этом участке, и мысль объединить их вновь в руках своего командира полка и образовать новый средний участок, естественно, вытекала из создавшейся обстановки.

Мало было сведений о положении главных сил правофлангового полка, прошедших сквозь свой участок тыловой позиции и своевременно не давших об этом знать начальнику дивизии, этим объясняется отсутствие каких-либо его распоряжений по упорядочению положения на своем правом фланге. Начальник 34-й пех. дивизии, так же как и 13-й, лично не ознакомился заблаговременно с тыловой позицией и слишком поздно напомнил об этом полкам. Упущение это имело роковые последствия, так как незнание и незанятие своего участка 135-м полком сыграли главную роль в создании опасного положения на левом фланге 13-й пех. дивизии, потребовавшего отхода этой дивизии на следующий рубеж, так как подготовленной тыловой позиции 13-я пех. дивизия не имела.

Начальник 34-й пех. дивизии поддерживал мнение командира корпуса о непригодности косой позиции и в этом отношении должен значительную долю ответственности за отказ занять эту позицию принять на себя, так как признание им возможной остановки на этой позиции, вероятно, побудило бы командира корпуса пойти навстречу предложению ген. Гурко.

Выезд начальника 34-й пех. дивизии на фронт помог ему быстро разобраться в действительной обстановке и принять целесообразные меры по противодействию прорыву и с этой стороны принес большую пользу.

Выезд начальника 34-й пех. дивизии в район прорыва,

личное ознакомление на месте с обстановкой на фронте и принятие на основе своих наблюдений правильного решения — это единственный случай настоящего управления боем за весь день 6 сентября. Правда, продолжительное отсутствие начальника дивизии повлекло за собой перерыв связи его со штабом корпуса в критический период боя. Однако в этом меньше всего повинен начальник дивизии. За перерыв связи начальника дивизии со штабом корпуса вина лежит на штабе 34-й пех. дивизии. Он обязан был все время держать связь со своим начальником, постоянно докладывая ему об изменениях в обстановке и в свою очередь получая сведения от начальника дивизии о том, что он видел в районе прорыва и какие решения по этому случаю им были приняты.

По всем данным наблюдательный пункт в монастыре м. Подкамень являлся тем командным пунктом начальника дивизии, на котором он должен был находиться с самого начала боя. Но в царской армии только в 1917 г. при прорывах укрепленных полос стали устраивать командные пункты для начальников дивизий и командиров корпусов. До этого года управление боем шло из удаленных от фронта штабов чисто бюрократическими приемами.

В штабе дивизии, в Крутневе, оставались дивизионный интендант и другие чины административной службы, которых, по возвращении, начальник дивизии застал в очень тревожном настроении, — они считали его уже погибшим и не знали, что им делать. Возможно, что до них доходили слухи о тяжелом положении на фронте через 135-й полк, отходивший по дороге, на которой был расположен штаб. Не исключено, что такие слухи через штаб дивизии могли дойти и до штаба корпуса при том обычае к обмену сведениями, который существовал в 7-м корпусе. Все это лишний раз показывает, насколько строго командиры соединений, и чем выше, тем строже, должны относиться к получаемым ими из разных источников сведениям об обстановке, которые всегда отличаются туманностью, противоречивостью, а подчас и вовсе являются ложными. Требуется недюжинный военный талант, чтобы разбираться в них, отделять ложь от правды и основывать свои решения на реальных, а не на вымышленных данных.

По вопросам взаимодействия с соседними дивизиями, кроме вышеупомянутого случая неувязки с 13-й пех. дивизией, никаких трений в 34-й пех. дивизии не возникало. В действиях с 16-й пех. дивизией было полное согласование.

Тактические выводы

Опыт боев 7-го арм. корпуса позволяет сделать выводы по некоторым вопросам обороны на широком фронте.

1. При обширности и сложности укреплений больших участков, заблаговременно укрепленных полос, отводимых в этом случае войскам, приобретает особую важность своевременное и подробное изучение позиции всеми инстанциями данного соединения. Ввиду недостатка у войск времени для тщательного выполнения этой работы, безусловно необходимо содействие строителей и снабжение не только хорошими схемами общего начертания позиций, но и детальными планами крупного масштаба, изготовленными в виде альбома отдельных, например полковых, участков позиции. Присутствие строителей поможет войскам разобраться в тактическом значении отдельных укреплений и их групп. Общая идея и взаимная связь участков укрепленной полосы должны быть хорошо изучены штабами дивизий и корпусов и служить одной из основ их решений.

2. В тех случаях, когда войскам приходится занимать большие участки заблаговременно укрепленных позиций слабыми силами, следует ограничиваться занятием важнейших центров сопротивления, а при отсутствии последних самим создавать таковые, развивая в глубину укрепления занятых участков. Промежутки между узлами сопротивления обстреливаются перекрестным пулеметным и артиллерийским огнем.

3. Только при таком способе занятия растянутых позиций окажется возможным выделить достаточно сильные ударные группы и обосновать оборону на контратаках.

4. При занятии всяких позиций, а растянутых в особенности, следует штабам обращать самое серьезное внимание на стыки между соединениями. Возникающие недоразумения должны разрешаться следующей над соприкасающимися соединениями инстанцией на основании подробного изучения местности и укреплений в районе стыков и при этом не по карте, а непосредственно на местности, если не лично старшим начальником, то высланным авторитетным командиром генерального штаба. Установленный стык следует отметить на отчетной карточке рассылаемой в соседние части.

В настоящее время тактика рекомендует избегать шаблонного расположения батальонов и рот на холмах с границами между ними по лощинам. В тех случаях, когда на практике пришлось бы отступить от этого правила, желательно установить, как это делалось в 34-й пех. дивизии,

чтобы полк, которому лощина назначена **включительно,** выставлял подразделение (роту, взвод) на противоположный берег лощины, чем будет достигнуто полное объединение обороны лощины в одних руках и под ответственностью одного командира батальона. Эта мера не должна освобождать соседа от оказания содействия обороне стыка всеми имеющимися в его распоряжении средствами с соответствующей к этим действиям подготовкой.

5. В тех случаях, когда войскам приходится располагаться на растянутых позициях, не подготовленных в инженерном отношении, они должны сразу занимать и подготовлять к обороне узлы сопротивления и опорные пункты, с значительными между ними промежутками. Узлы сопротивления, обычно батальонные, в современных условиях, как известно, приспосабливаются для круговой обороны.

6. Если в мировую войну наилучшим способом ликвидации прорыва являлись контратаки, то в современных условиях наличие в составе стрелковых дивизий танков, обладающих большой подвижностью и ударной силой, дает возможность командирам корпуса и дивизий весьма эффективно использовать эти средства для контрудара.

7. При отбитии атак противника на широком фронте огромную роль играет артиллерия. Мы видели, как слабая артиллерия 13-й и 34-й пех. дивизий не допускала противника приблизиться к позициям, благодаря широкому обстрелу и отличным наблюдательным пунктам. Широкий кругозор и обстрел и хорошие наблюдательные пункты позволяют артиллерии успешно выполнять свое назначение, невзирая на обычную ее малочисленность. Однако при выборе наблюдательных пунктов не следует поддаваться соблазну располагать наблюдательные пункты групп, дивизионов и батарей непременно на высших точках местности, если последние находятся слишком близко к фронту. Такое расположение в наблюдательных пунктах в средней группе артиллерии 34-й пех. дивизии привело чуть ли не к панике среди ее командного состава и к преждевременному прекращению управления огнем группы и батарей. Огневые позиции артиллерии следует располагать в батальонных районах с таким расчетом, чтобы можно было использовать всю дальность артиллерии для расстройства наступающего в течение всего оборонительного боя, не подвергая ее ударам прорвавшихся в промежутки между батальонами пехоты и танков. В мировую войну и даже во время описываемого сражения применялась переброска батарей к месту прорыва;

в будущей войне, при наличии моторизованных и самоходных батарей, будут прибегать к этому очень часто.

8. В описанном примере применялись разные способы парирования прорывов, но чаще всего отход. Это решение в корне неправильно: надо стремиться задержать прорвавшиеся части противника и затем уничтожить их контратакой ударной группы, и только исчерпав все активные средства, старший начальник может решиться на отход.

9. Сравнение действий 133-го и 134-го полков показывает значение кадров для успеха обороны, в особенности на широком фронте, когда численность войск мала. Хотя главный удар австро-венгерцев пришелся по 133-му полку, но все же первый натиск был произведен на район Стиберовки, защищаемый 4-м батальоном 133-го полка и 1-м — 134-го. Какая огромная разница в результатах! В условиях одинаково разрушенных окопов и не менее мощного натиска 1-й батальон 134-го полка отбил атаку противника и в дальнейшем удержал свои позиции, несмотря на обойденный фланг. Успех надо отнести за счет прочных кадров этого батальона и всего полка, сумевших дать отпор врагу. Если командиры найдут в себе силы в потрясающей обстановке современного штурма укрепленных позиций продолжать **управлять** своими подразделениями, а бойцы **стрелять** из ружей и пулеметов, то в 99% атака противника будет успешно отбита.

10. Изучение действий 133-го полка вскрывает огромной важности вопрос о встрече атаки противника, перешедшего через проволочные заграждения и бросившегося на окоп. Этот критический момент до сего времени остается недостаточно освещенным. Ясно, что каковы бы ни были боевые качества стрелков, если противник наступит на козырек, то для бойцов не будет другого выхода, как погибнуть в рукопашной схватке в неравных условиях или сдаться. Последнее наблюдалось в 133-м полку. Один очевидец боя рассказывал, что «с своего наблюдательного пункта ему хорошо была видна 7-я рота 133-го полка, которая, несмотря на ураганный огонь противника, все время направленный на нее, и невзирая на то, что ее окопы были совершенно разрушены, держалась очень долго, но затем стало ясно, что 7-я рота окончила свое существование, и на ее месте появились в большом количестве австрийцы...»

Трудность принятия решения о встрече атакующего тем или другим способом из глубоких окопов с бойницами усугубляется тем обстоятельством, что для раздумывания нет времени. Подход противника к проволочным заграждениям

не означает еще утери позиции, так как противник может быть еще с успехом отбит огнем и ручными гранатами. Следовательно, в распоряжении обороняющегося будут секунды, чтобы что-либо предпринять; если его огневые средства не остановят противника перед проволокой, то он сомнет и сокрушит ее напором массы и бросится на окоп. Выбежать навстречу массам противника бесполезно, так как это будет возможно сделать только по немногим выходам вперед, устраиваемым в окопах, притом гуськом, и противнику будут противопоставлены единичные бойцы и в лучшем случае горсти стрелков. Уйти из окопа не будет времени, так как это тоже возможно лишь по узким ходам сообщений. Остается, как мы говорили, сдаться или погибнуть. Мы видели, что некоторые роты 133-го полка пытались спастись отходом, но он должен был начаться до подхода противника к проволоке, следовательно, в условиях неисчерпанных возможностей обороны.

Разбираемое нами критическое положение отсутствует при обороне поспешно укрепленных позиций, обычно имеющих окопы для стрельбы стоя со дна рва или даже со ступеньки, но без всяких верхних перекрытий, когда окопы легко могут быть приспособлены для быстрого выскакивания всех стрелков одновременно вперед навстречу атакующему. Но не то происходит в солидно укрепленных позициях, в особенности если козырьки перекрывают окоп почти сплошь, как это было на Радзивиловской позиции. Инженерам необходимо учесть этот момент при постройке позиций. Нам кажется, что возможно было бы приспособить тыловой траверс для обороны с тем, чтобы, когда выяснится решительное стремление противника к штурму окопа, уводить туда стрелков и располагать их за рвом с тем, чтобы при рукопашной схватке поставить обе стороны в равные условия. Было бы полезно занимать тыловой траверс и ночью.

Что касается выдерживания стрелками артиллерийского огня во время артиллерийской подготовки, то в позиционной войне этот вопрос разрешался устройством бетонных убежищ и «лисьих нор», а в подвижной, когда убежища не обладали достаточной прочностью и количество их было невелико, вывод стрелков в ходы сообщений (поперечные, тыловые) или вперед, смотря по обстановке, являлся наиболее практичным средством. В современных условиях оборона значительно усложнилась вследствие появления танков и авиации, но это не устраняет поставленных нами вопросов, а только их усложняет.

11. Вопрос о поддержании непрерывной связи при обороне на широком фронте приобретает бóльшую остроту, нежели при обороне на нормальных фронтах, в силу увеличения расстояний, что мы видели в описываемом эпизоде, когда в 34-й пех. дивизии была утеряна связь с 135-м полком. Необходимо применять эффективные меры к получению донесений всеми доступными средствами, имея в виду хрупкость телефонной связи.

12. Преувеличение опасностей положения и тенденциозность донесений на войне не являются единичными случаями, а составляют одно из свойств природы войны. Необходимо высшим начальникам относиться как к чрезмерно пессимистическим, так и к слишком оптимистическим сведениям с большой осторожностью, организуя проверку их на местах через доверенных лиц. В некоторых случаях только личное присутствие на месте событий может вскрыть начальнику истинное положение вещей.

13. Насыщенность современных армий земными и воздушными техническими средствами в сильной степени усилит оборону на широком фронте. Схема последней мыслится как совокупность узлов сопротивления, занимающих по возможности танконедоступные местные предметы, с промежутками, обстреливаемыми огнем пулеметов и артиллерии (дивизионной, полковой и батальонной), имея в глубине расположения сильную ударную группу, составленную из пехоты и подвижных войск и предназначенную для уничтожения прорвавшегося противника. Огромное количество автоматического оружия в стрелковых частях, по сравнению с 1915 г., и артиллерии сильно повысит устойчивость узлов сопротивления как против пехотной, так и против танковой атаки, а подвижность ударной группы из моторизованных кавалерийских и танковых соединений является залогом своевременной и решительной ликвидации прорывов. Но все же надо иметь в виду, что оборона на широком фронте организуется обычно в предположении нахождения перед собой также слабого противника, но не для противодействия его главным силам. В последнем случае она должна быть своевременно усилена и доведена до нормы или даже до более высокого состояния, если по общим соображениям представляется необходимым удерживать данный рубеж, не прибегая к подвижной обороне.

Источники

Материалы Центрального архивного управления

Дела за 1915 г.

		№ дел
1.	Схемы Радзивиловского укрепленного района	228, 947
2.	Сведения о ходе работ по укреплению позиции Локачи, Горохов, Боромель, Подкамень, Заложце	228, 921
3.	То же Берестечко, Радзивилов, Новостав, Подкамень, Заложце	228, 927
4.	Переписка с ген. Артамоновым штаба 8-й армии	413, 850
5.	То же	413, 851
6.	Журнал военных действий штаба 7-го арм. корпуса	125, 641
7.	То же	125, 642
8.	Оперативное — штаба 7-го арм. корпуса	32, 174
9.	То же	32, 175
10.	Схема фронта от Бучина до Подбересце	452, 633
11.	Приказания и распоряжения штаба 13-й пех. дивизии	22, 875
12.	Журнал военных действий штаба 13-й пех. дивизии	22, 873
13.	Оперативное — штаба 34-й пех. дивизии	23, 868
14.	Журнал военных действий штаба 13-й пех. дивизии	23, 875
15.	Приказы, приказания и донесения штаба 35-й пех. дивизии	346, 126
16.	Журнал военных действий штаба 35-й пех. дивизии	346, 125
17.	Оперативное — 13-й арт. бригады	33, 346
18.	Краткое описание участия офицеров и батарей 13-й арт. бригады в боях 1914—1918 гг.	54, 974
19.	Журнал военных действий 4-й батареи 13-й арт бригады	369, 137
20.	Книга телефонограмм 49-го пех. Брестского полка	292, 207
21.	Полевая книжка штаба 50-го пех. полка	462, 156
22.	То же	391, 787
23.	Полевая книжка поручика Шпакова 51-го полка	24329
24.	То же	24330
25.	Полевая книжка полкового адъютанта 52-го полка	19849
26.	То же	19854

		№ дел
27.	То же командира 52-го полка	19853
28.	Журнал военных действий дивизионного обоза 13-й пех. дивизии	288, 280
29.	Приказы и телеграммы 133-го полка	23, 803
30.	То же	23, 804
31.	Журнал военных действий 133-го полка	23807
32.	Распоряжения, донесения и приказы 134-го полка	31148
33.	Журнал военных действий 133-го полка	31146
34.	Оперативное — 135-го полка	23906
35.	Журнал военных действий 135-го полка	23904
36.	Журнал военных действий 136-го полка	23818
37.	Оперативное — 136-го полка	23814
38.	Журнал военных действий управления 34-й арт. бригады	23852
39.	Приложения к журналу военных действий 34-й арт. бригады	23853
40.	Журнал военных действий 1-го дивизиона 34-й арт. бригады	23855
41.	Приложения к журналу военных действий 1-го дивизиона 34-й арт. бригады	23856
42.	Журнал военных действий 2-го дивизиона 34-й арт. бригады	23857
43.	Приложения к журналу военных действий 2-го дивизиона 34-й арт. бригады	23858

Примечание. Отсутствие в числе источников по 13-й дивизии таких важных документов, как полковые дела и дела артиллерийских дивизионов, объясняется неимением их в архиве.

Оглавление

Схема 8. Бой на участке 13-й пех. дивизии 6 сентября 1915 г.

Схема 5. Действие передовых отрядов 34-й пех. дивизии 13 сентября 1915 г. и атака австрийцев после 18 час.

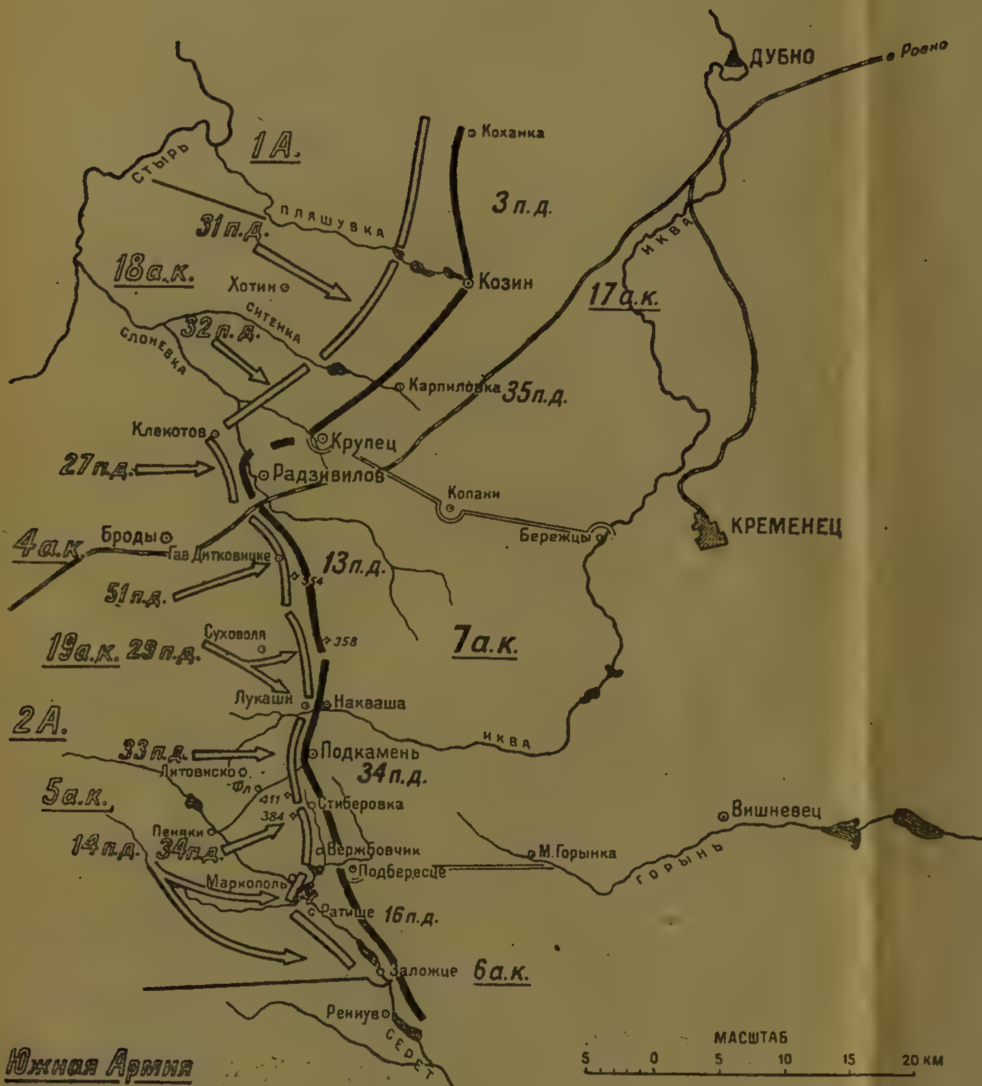

Схема 4. Подход австро-венгерцев к фронту 7-го корпуса 1—3 сентября 1915 г.

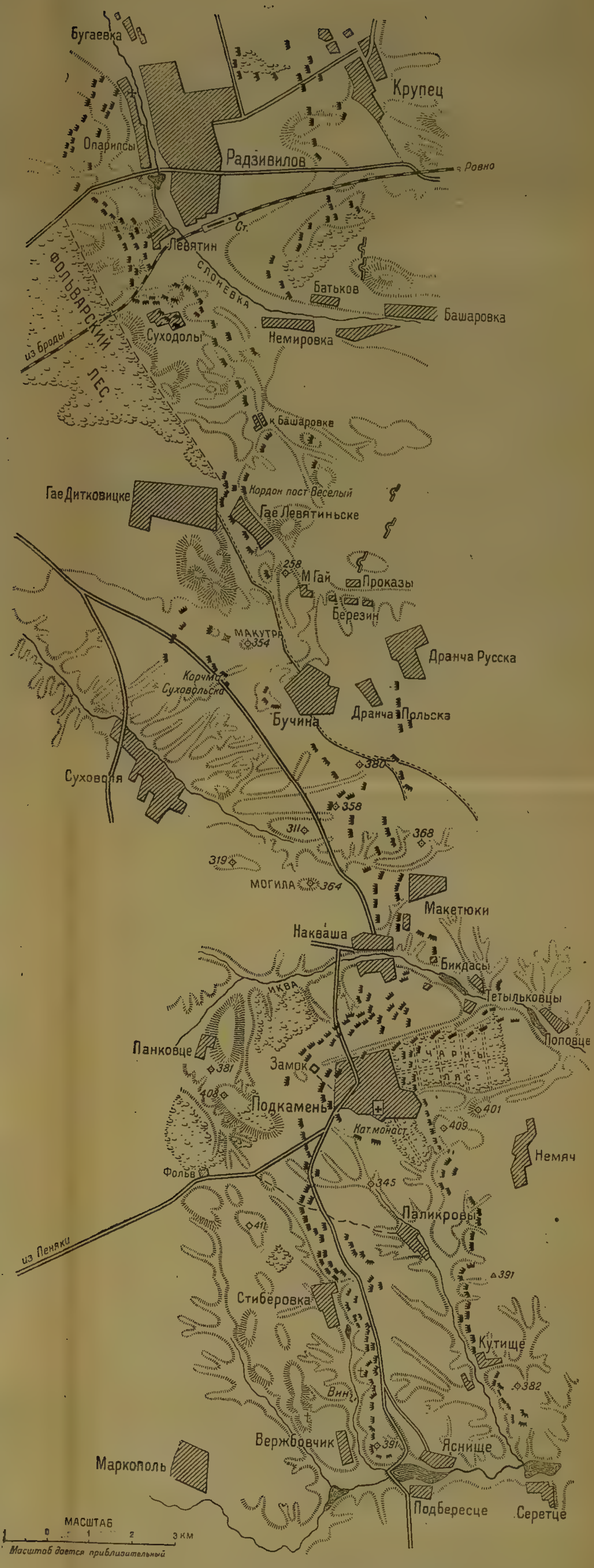

Схема 3. Радзивиловская укрепленная позиция.

Схема 2. Расположение 7-го корпуса и группировка дивизии 2 сентября 1915 г.

Схема 1, Обстановка на фронте 8-й русской армии 1 сентября 1915 г.

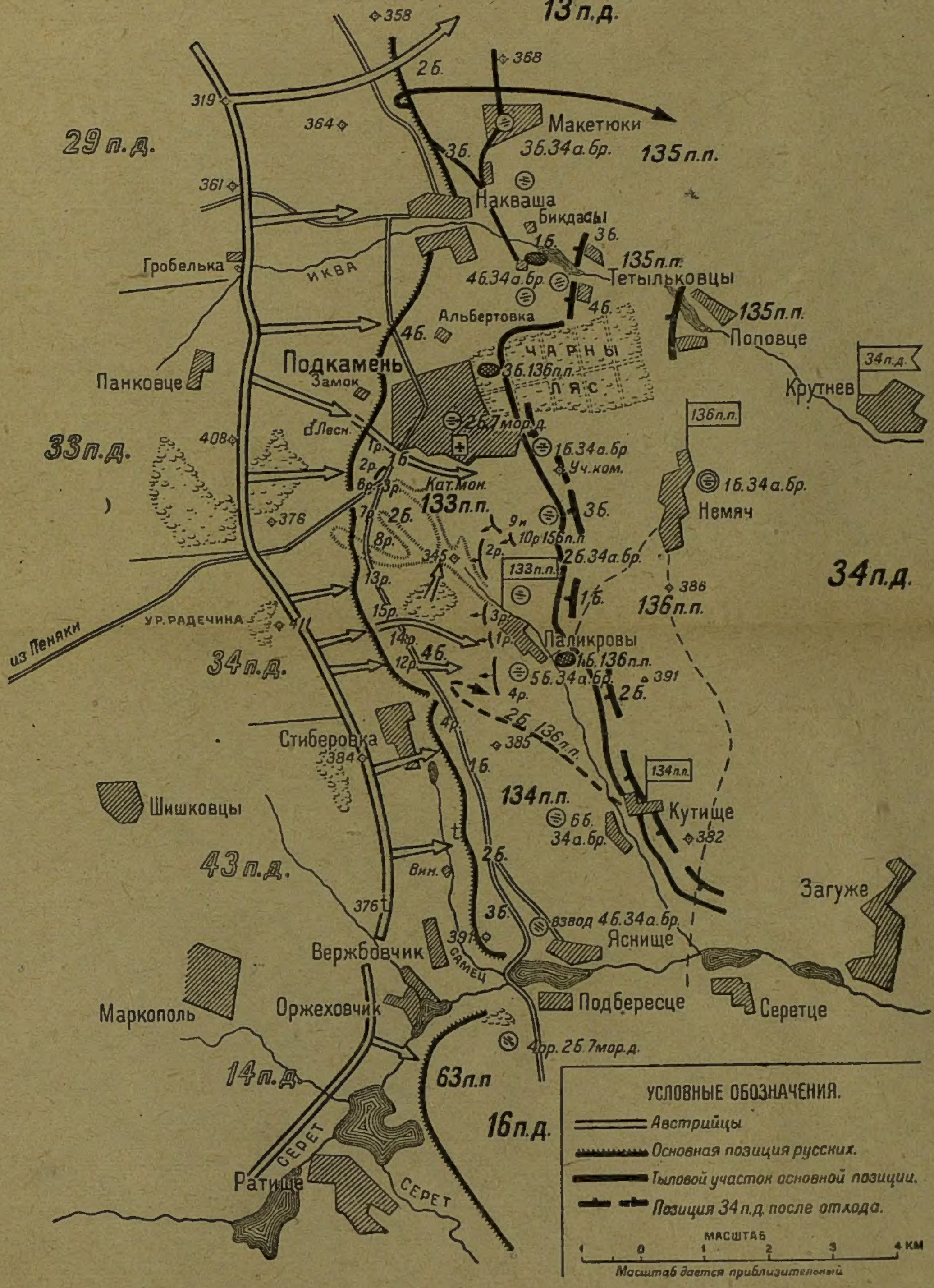

Схема 9. Бой у Подкамня (на участке 34-й пех. дивизии).

Цена 1 р. 50 к.